

СЕРГЕЙ ИЛЬИН
КОРОННЫЙ
ДОЗНАТЧИК.
АГЕНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Ильин
Коронный дозначик. Агент
Серия «Коронный дозначик», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69299158

SelfPub; 2023

Аннотация

К чему может привести расследование, затеянное дилетантом, да ещё и попаданцем из другого мира? Ну ясное дело – к самому непредсказуемому результату. А ещё к массе неприятностей, выпутаться из которых не поможет даже внезапно полученная сверхспособность. Впрочем, целеустремлённость, замешанная на толике везения, иногда способна творить чудеса. Читайте о новых приключениях Владислава Штольца, бывшего медпреда из Челябинска, а теперь тайного агента комитета внешнего контроля.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	53
Глава 5	67
Глава 6	82
Глава 7	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Сергей Ильин

Коронный дознатчик. Агент

Пролог

– Наша служба и опасна, и трудна, – тихонько напевал я, стоя перед зеркалом и прикрепляя орден к лацкану парадного кителя. – И, на первый взгляд, как будто не видна. Не видна она порой и на второй, и на третий тоже...

Что поделать, не помнил я слов песни дальше второй строки. Да и мысли мои были заняты совсем другим. Орден-то я не ради забавы из ящика стола на белый свет вытащил – предстоял мне нынче официальный визит во дворец. И полученная от правителя награда просто обязана была сиять у меня на груди при общении с этим самым правителем.

А все потому, что, хоть и погиб юный герцог Рудольф Селябский от моей руки, но взошедший на престол граф Ашинский, скрепя сердце и скрипя зубами, всё-таки утвердил положенную мне награду. Как ни крути, в глазах общественности я был несомненным героем, однозначно заслужившим и орден, и дворянский титул.

Ну а что, я ведь действовал с благими намерениями, бо-

рять с заговором. А то, что этот заговор сам же Рудольф и организовал, так это уже не моя вина.

И, как говорится, король умер – да здравствует король. Теперь на троне сидел Ашинский, увы, назначивший канцлером моего бывшего начальника Толя Францевича фон Чубиса. Вот с этими двумя товарищами мне нынче и предстояло встретиться.

Одно радовало, что общение предполагалось в присутствии лорда куратора. Если честно, несмотря на принятые Ашинским условия ультиматума от главного представителя Комитета внешнего контроля, соваться в одиночку в дворцовый гадюшник я всё равно побаивался.

Длинная красная лента ордена, благодаря моей клыкастой рукодельнице Фимке, превратилась теперь в совсем скромный бантик с булавкой. Вроде и нацепил бирюльку на грудь, согласно требованиям этикета, но совсем не по регламенту. Это я специально попросил Фимку произвести подобный апгрейд награды в надежде, что нестандартный способ её крепления станет демонстрацией моего отношения к Ашинскому. Эдаким моральным щелчком по графскому носу.

Хотя, я так полагаю, Ашинский теперь тоже герцогом станет. Или нет? Как мне теперь к нему обращаться: ваше сиятельство или ваше светлейшество? Чёрт ногу сломит в этих титульных игрищах высокородных особ. Куча каких-то надуманных правил и условностей. Не меньше, чем в религии.

Для меня всё связанное с присвоением титулов и со вся-

кими дворянскими регалиями по-прежнему оставалось чем-то запредельным и непостижимым. Мне тут изображение моего дворянского герба подсунули, так я в шоке был. Крепостная башенка вверху на белом поле и какой-то кабан внизу на красном. Бог с ней, с башней, но какое ко мне отношение имеет эта дикая свинья?

Или вот, скажем, тот же орден – золотистая бляха, изображающая обычного коронованного гербового орла поверх другого более крупного, но уже двуглавого и с короной посolidнее. А между ними прослойка в виде красного мальтийского креста. Спрашивается, и что тут к чему?

Ведь, как я понял, российской империи в этом мире не существовало. Государство представляло из себя сложную конфедерацию. Эдакий сильно расширенный Евросоюз в монархических декорациях. Поэтому с мелким орлом, символизирующим герцогство Селябское, всё было понятно, а вот при чём тут орёл двуглавый, стоило разобраться. Ещё и крест какой-то. И это при том, что к религии здесь отношение крайне отрицательное.

Сюда я, обычный медпред из Челябинска, попал совсем недавно и отнюдь не по своей воле. Какой-то мудака включил в моём мире трансгрейдер, а я чисто случайно благополучно въехал в поле, созданное этим устройством для перемещения. Вроде никакой магии, один лишь научно-технический прогресс. Вот только забросило меня в мир, где с людьми соседствуют орки, эльфы и гоблины, а развитие технологий

зависло где-то на уровне позапрошлого века. Даже паровые двигатели только входят в обиход. А так все, кто в состоянии это себе позволить, рассекают по дорогам герцогства Селябского на авто с пружинным заводом. Машина же с паровым двигателем, или пароход, как его тут называют, и вовсе за предельной дороговизны удовольствие.

И стреляют тут не с помощью пороховых зарядов. Местный люд вооружён либо пружинными самострелами – дрововиками, либо огнестрелом с пирогидритными зарядами вместо пороховых. А все хитрые технологии изготовления этих странненьких девайсов подгрести под себя, тщательно храня в секрете, ушли эльфы. И лично я назвал бы их умения изменять и улучшать свойства материалов самой натуральной магией.

Но в магию тут не верят, как и в богов. Считают чудеса, вроде моих новоприобретённых способностей, лишь неизвестными науке феноменами. Хотя в моём родном мире меня причислили бы к экстрасенсам. Но это в лучшем случае. Скорее всего, просто посчитали бы шарлатаном.

Всё дело в том, что, благодаря перемещению, я научился общаться с душами умерших и видеть их глазами события, предшествующие гибели. Меня даже назначили помощником коронного дознатчика, чтоб помогал расследовать убийства. Вот только из-за отсутствия опыта в сыском деле все мои видения заводили расследование совсем не туда, куда нужно. И ладно хоть, не в тупик. Всё же распутал я и двор-

цовый заговор, и дело «Крутоярского зверя».

И после такого успеха зачислили меня аж фельдагентом в комитет внешнего контроля – организацию, стоящую над всеми местными государствами и контролирующую передачу из мира в мир технологий, способных нарушить естественный ход исторического развития. По крайней мере, я так понял из объяснений орка Тимонилино, моего названного брата, а заодно и телохранителя.

– Ты чего застрял? – как раз заглянул в комнату этот краснокожий переросток. – Выходить пора. Я и котлы уже прогрел.

Кер Сотекс, лорд куратор Селябского отделения комитета, подогнал нам с барского плеча новенький легковой автомобиль, причём на паровой тяге. Эдакий бонус от супермогущественной конторы. Так что у орка теперь появилась новая любимая дорогущая механическая игрушка.

– Всё-всё, идём. Как время не тьяни, а ехать один чёрт придётся.

– Вот и я про то же. Ты, братец, и так кучу времени потерял, пока баклуши бил, из постели не выбираясь.

– Ну, знаешь ли, – возмутился я, – во-первых, ты сам сюда Фимку из деревни без моего ведома выдернул. А открутиться от её опеки не так-то и просто. Во-вторых, у меня были законные выходные, а время, потраченное на отдых и удовольствия, зря потерянными не считается. Ну и в-третьих, мы и так все дела переделали. Нам куда спешить-то?

– Все дела не переделать, – с умным видом ткнул пальцем в небо орк. – И, сам понимаешь, попусту тебя кер Сотекс к правителю не потащит.

– Ну вот приедем, и узнаем, что там стряслось. Так, последний штрих к портрету, – я надел фуражку, проверив в зеркале, не криво ли. – Так что не вижу особого повода для суеты и спешки.

Глава 1

– Да чтоб я сдох! – изумлённо выпучив глаза под банками защитных очков, орк залепил мне своей лапищей по спине, чуть не впечатав мордой в руль. – Вот уж не ожидал от тебя эдакого лихачества!

– Да ничего особенного, – довольный, я ловко соскочил на землю. – Была бы сейчас ночь, можно было бы на пустых улицах ещё быстрее разогнаться.

– Да куда быстрее-то, братец?! И так аж дух захватывает! Таким взглядом Тимон меня ещё ни разу не одаривал. До сих пор, даже после множества драк и перестрелок, из которых мы чаще всего выходили гордыми победителями, орк смотрел на меня, хоть и одобрительно, но с некоторой снисходительностью. Словно старший брат, присматривающий за мелким несмышлёнышем. А тут во взгляде этого бугая проявилось уважение, щедро сдобренное радостным восхищением.

А я всего-то навсего еле-еле уговорил орка пустить меня за руль и проехался до дворца, разогнавшись, максимум, до восьмидесяти. При этом приходилось постоянно давить на клаксон, расшугивая извозчиков и пешеходов, всю дорогу так и норовящих сунуться нам под колёса. Наверняка, кучу народа довёл до инфаркта или, как минимум, до нервного срыва.

Но дело стоило того. Нужно же было понять, что можно при необходимости выжать из этого паромобиля, к сожалению, не имеющего даже намёка на лобовое стекло. Так что, чем выше была скорость, тем сильнее вспоминались строки про «ветер в харю».

И, если честно, про «быстрее разогнаться» я малость приврал. Сцепление эта паровая колымага имела очень жёсткое, на тормоз тоже приходилось давить со всей дури, да и об усилителе руля можно было только мечтать. В общем, управляемость у автомобиля, называемого здесь пароходом, оставляла желать лучшего. Устраивать на таком гонки значило неоправданно рисковать. Ещё и вместо нормальной крыши, способной хоть как-то уберечь нас при опрокидывании, имелся лишь лёгкий складной тент на случай непогоды, сложенный пока что гармошкой за задним диваном.

Но перед дворцовыми воротами я всё равно тормознул слишком, заставив жалобным скрипом колёс сильно напрячься несколько караульных.

После давешних громких событий охрану дворца значительно усилили. Теперь вместо пары меланхолично-квёлых жандармов вход сторожил целый десяток весьма серьёзно настроенных бойцов. На меня с орком они выставились с хмурой подозрительностью и тревогой, решительно похватившись за дрововики. Однако настороженность охранников тут же улетучилась, стоило мне скинуть плащ и снять защитные очки из-под фуражки.

Есть всё-таки плюсы в популярности. Не уверен на счёт простых обывателей, но в среде сыскарей и жандармов меня теперь в лицо мог узнать чуть ли не каждый встречный-поперечный. Даже удостоверение не понадобилось предъявлять радостно загомонившим бойцам, чтобы те пропустили меня на территорию дворца. Зато пришлось, вежливо улыбаясь, поручаться практически со всеми и выдержать целый шквал одобрительных похлопываний по плечам и спине, всё ещё, кстати, зудящей от братского рукоприкладства Тимона.

Впрочем, если бы не орк, с оглушающим гудком сбросивший из котлов излишек пара и отвлѣкший на себя внимание охранников, я мог бы застрять в воротах ещё надолго. А так улизнул под шумок и стопорнулся, только лишь наткнувшись уже на самом входе во дворец на наряд гвардейцев-кирасиров.

Вот эти пялились на меня весьма неприязненно. Оно и понятно, нескольких их сослуживцев я серьёзно подранил, а одного и вовсе насмерть подстрелил. К тому же, допускаю, могло среди этих бронированных великанов распространиться знание о том, что же произошло на самом деле в покоях герцога Селябского. А это совсем не добавляло личной гвардии Рудольфа любви к моей скромной персоне. Скорее, очень даже наоборот.

Но тут уж, как говаривал один политический долгожитель в моём родном мире, нравится – не нравится, терпи моя красавица. Нынешний правитель герцогства ожидал моего ви-

зита, и на нелюбовь гвардейцев мне было начихать. Положено – будьте любезны, пропускайте.

Они и пропустили, недовольно косясь и морщась, словно от меня не дорогим одеколоном благоухало, а каким-нибудь навозом пахивало.

Проникнув во дворец, я первым делом заскочил к лорду куратору и уже вместе с ним потопал к Ашинскому. Пришли мы чуть раньше назначенного, но нас уже ждали и тут же пригласили на приём.

Став новым правителем, граф сменил свой старый рабочий кабинет на более просторный, явно до этого принадлежавший самому герцогу Селябскому. Тут и убранство было побогаче, и мебель посolidнее. А вот в одежде Ашинского я перемен не заметил. Мне даже показалось, что встретил граф меня в том же самом костюме, что и в прошлый раз, – дорогим, но скромно неброском.

Мой орден, присобаченный неподобающим образом к мундиру, Ашинский, разумеется, заметил сразу. Покосился на него, недовольно дёрнув уголком рта, но утерпел и ничего по этому поводу не высказал. Хотя даже молчание его вышло весьма выразительным.

Фон Чубис, новоиспечённый канцлер, получивший вдобавок ещё и чин действительного тайного советника, тоже присутствовал и смотрел на меня, как удав на кролика. Чего хотел, не ясно. Ну да и бог с ним, у меня теперь другое начальство имелось. Так что я позволил себе ответить Толю

Францевичу самым невинно-невозмутимым, крайне пофигистическим взглядом.

А кер Сотекс тем временем, едва поприветствовав ожидавших нас вельмож и усевшись в одно из предложенных кресел, сразу же перешёл к делу:

– Господа, я назначил вам встречу в связи с событиями, подлежащими тщательному контролю и проверке со стороны нашего комитета.

Я то думал, это Ашинский нас зачем-то пригласил, а тут, как оказалось, лорд куратор инициативу проявил. При чём, даже не просил о встрече, а сам назначил её. Уж не знаю, что означала приставка к его фамилии, но, судя по тому, как кер Сотекс разговаривал с Ашинским, титул его был вполне соизмерим с графским или даже герцогским. Хотя не удивлюсь, если этот комитетский товарищ, в силу своих служебных полномочий, на равных общался бы и с каким-нибудь императором.

– Совсем недавно, – продолжил мой новый шеф, – мы получили донесение инженера Ильина, работавшего на Миасском машиностроительном заводе. Завод, как вам должно быть известно, занимается изготовлением паровых машин для активно строящейся железной дороги.

– Паровозов, что ли? – решил я уточнить и тут же был удостоен осуждающего взгляда кера Сотекса.

– Вероятно, – он чуть наклонил голову, недовольный тем, что я перебил его, – эти машины можно назвать и так. Од-

нако кроме постройки «паровозов» в Миассово, в закрытых мастерских завода, как мы узнали, идут работы по созданию бронированных машин и даже целых бронированных железнодорожных составов, способных противостоять вооружённому нападению. Но, что более важно, эти составы способны сами наносить урон противнику, благодаря носимому вооружению.

– Бронепоезд, – вновь встрял я, не обращая внимания на недовольство шефа. – В моём мире когда-то активно использовались такие составы. Некоторое время очень успешно применялись во время военных действий.

– Что ж, – лорд куратор нахмурился, – значит, мои опасения по этому поводу небезосновательны. Господин Штольц, я бесконечно рад, что вы имеете представление о подобных составах, но будьте так любезны, перестаньте перебивать меня и позвольте добраться до сути проблемы.

– Прошу прощения, кер Сотекс, – виновато поднял я перед собой руки.

Ашинский на это лишь слегка поморщился, а вот фон Чубис ехидненько ухмыльнулся. Мол, приняли в свой штат оболтуса, сами теперь с ним и мучайтесь. Но, думается, для кера Сотекса наличие у меня знаний будет поважнее отсутствия строгой дисциплины.

– Железная дорога, – повернулся лорд куратор к Ашинскому, – уже протянулась от Селябы до вашего графства и даже устремилась дальше к границам герцогства Пермского.

Тянутся ветки также и на юг, и на север государства. Вам ведь, ваше светлейшество, сие известно?

– Несомненно, – кивнул Ашинский и кинул быстрый взгляд на Чубиса: – Толь Францевич?

Тот развёл руками и повернулся к лорду куратору:

– Разумеется, нам сие известно. Целью строительства железной дороги, ваше сиятельство, как раз и является быстрое выгодное сообщение внутри страны и между соседними государствами. И безопасная транспортировка больших объёмов груза, несомненно требующая вооружённой охраны.

– Допустим. Я предполагал подобный ответ, – покивал кер Сотекс новому канцлеру герцогства, – хотя и считаю, что для охраны грузов достаточно менее внушительного вооружения. Однако инженер Ильин сообщил, что он, совершая инспекцию вместе с путевым обходчиком Никодимом Поздеевым, стал свидетелем испытания огнестрельного оружия, коим был оснащён один из вагонов бронированного состава.

– Что же тут странного? – удивлённо повёл подбородком Чубис. – У нас была договорённость с лордом Мэриталом о поставках в наши войска, и не только, стрелкового оружия.

– Не думал, – чуть наклонился к моему бывшему начальнику кер Сотекс, – что мне и вас придётся просить не перебивать меня.

– Толь Францевич, друг мой, имейте терпение, – попенял Ашинский своему помощнику. – Уверен, у его сиятельства имеется достаточный повод для беспокойства.

Хм, его сиятельства? Значит, титул лорда куратора действительно сопоставим с графским.

– Благодарю вас, ваше светлейшество, – хмуро изрёк кер Сотекс. – Я продолжу с вашего позволения. Так вот, как сообщил инженер Ильин, его поразила скорострельность испытываемого оружия, но куда более того его удивили относительно низкий уровень шума, сопровождавшего стрельбу, и отсутствие при том ярких вспышек, что совершенно нехарактерно для любых образцов оружия, предоставляемого эльфами. Беря во внимание тот факт, что подобными свето-шумовыми характеристиками обладает оружие, привнесённое из иного мира и недавно использованное, – кер кивком указал на меня, – господином Штольцем, я готов предположить, что в Миассово использовалось некое подобное оружие. Тем более, благодаря вашему сыну, уважаемый граф, как нам удалось выяснить, эльфы получили образцы патронов к иномирскому пистолету, а также заказ на изготовление таковых. Не удивлюсь, если и само оружие вскорости появится в обиходе, несмотря на стародавнюю конвенцию, запрещающую в вашем мире пороховое оружие.

Ашинский молча кивнул, словно признавая в случившемся и свою вину, а лорд куратор продолжил:

– Однако эльфы, хоть и пересмотрели свой, видимо, устаревший взгляд на порох, и приняли к исполнению сей заказ, вряд ли успели бы произвести столь великое количество боеприпасов, необходимое для замеченных Ильиным испы-

тательных стрельб. И даже при вероятности создания этими несомненно талантливыми умельцами рабочего аналога пистолета господина Штольца, остаётся совершенно необъяснима высокая скорострельность замеченного инженером оружия. А господин Ильин уверял, что производилось не менее пары-тройки выстрелов в одну секунду, господа. Из чего, несомненно, напрашивается вывод о появлении незаконно ввезённых в герцогство оружейных технологий.

Лорд куратор замолчал, выжидающе уставившись на Ашинского. Словно хотел увидеть, осознаёт ли граф всю серьёзность ситуации.

Граф осознавал. Это было заметно по сдвинувшимся к переносице бровям и нервно дёрнувшейся щеке.

– Должен заявить, ваше сиятельство, – слегка прихлопнул Ашинский ладонями по столу, – что, если таковой факт и имеет место быть, и кто-то нарушил эмбарго, внедрив незаконные технологии, то я готов заявить, совершенно то без нашего ведома и дозволения.

– Если бы я винил вас в нарушении, – кер Сотекс чуть скривил губы, – или хотя бы заподозрил в осведомлённости, я бы пришёл к вам не с господином Штольцем, а с нарядом экзекуторов.

Ашинский качнул головой, обозначая поклон, но как-то кривовато. Видимо, показывая, что понимает лорда куратора и благодарен ему за оказанное доверие.

– Чем мы можем помочь вам, ваше сиятельство?

– Я намерен провести расследование, – не стал тянуть резину мой шеф. – В качестве эксперта в Миассово отправится господин Штольц. Но мне сильно не хотелось бы, чтобы его приезд сразу же связали с комитетом контроля. Злоумышленники могут постараться и скрыть улики до того, как наш агент их обнаружит. Вы ведь ещё не провели по службе приказ о выводе господина Штольца из штата управления сыска? – лорд куратор повернулся к фон Чубису.

– В управлении произведена реорганизация, – поспешил с ответом тот. – Как такового его больше не существует. Все службы вместе с сыскным отделением, секретной экспедицией и канцелярией по особым делам подчиняются непосредственно мне. Как и жандармский корпус с военным министерством. Господин же Штольц, до вашего заявления о переводе онога в ваше ведомство, был приписан к канцелярии в качестве выездного комиссара. Приказ о сложении его полномочий уже написан.

– Но не оглашён? – вопрошающе склонил голову набокер Сотекс.

– Никак нет, ваше сиятельство, – заверил его Чубис.

– Вот и отлично, – довольно закивал мой шеф. – Пусть для всех так и остаётся этим выездным комиссаром, который по вашему указанию отправился в Миассово расследовать дело об убийстве инженера Ильина.

– Вот как? – удивился Ашинский. – Мне не докладывали ни о каком убийстве.

– И не мудрено, – пожал плечами лорд куратор. – Инженер невероятнейшим образом угодил под колёса паровой машины или, как её назвал господин Штольц, паровоза. По вашему ведомству сей факт проходит как несчастный случай. В отчёте наместной жандармерии, как разузнал мой секретарь, и вовсе указано, что господин Ильин при исполнении служебных обязанностей, нарушив служебные инструкции, проявил халатность и неосторожность, повлёкшие за собой собственную смерть. И посему даже вдова погибшего не в праве рассчитывать на материальную компенсацию в связи с потерей кормильца.

– Вы считаете, ваше сиятельство, – Чубис немного нервно побарабанил пальцами по столу, – что отчёт неверен и жандармский околоточный со своими подчинёнными как-то замешены в содеянном?

– Не стану утверждать ни это, ни обратное. Не в моих это правилах – оправдывать или обвинять в злонамеренности ваших сотрудников бездоказательно. Возможно, ваши подчинённые пошли на поводу у лени, не желая углубляться в обстоятельства гибели инженера, или же просто проявили некую некомпетентность. Таковое моё предположение основывается на следующих фактах: во-первых, господин Ильин работал на железной дороге с самого первого момента её строительства и был достаточно опытным специалистом, а во-вторых, при невыясненных обстоятельствах бесследно пропал Никодим Поздеев. Тот самый обходчик,

что так же являлся свидетелем таинственных испытаний. А это уже неоспоримо возводит факт гибели инженера в разряд весьма подозрительного происшествия.

– Вы неплохо осведомлены о случившемся, ваше сиятельство, – кивнув керу Сотексу, Ашинский перевёл строгий взгляд на фон Чубиса, продолжавшего выколачивать пальцами морзянку по столу. – Думаю, господин канцлер не откажет вам в любезности и направит комиссара Штольца в Миассово. Вот только в сферу служебной деятельности комиссара обычно входят лишь случаи, связанные с гибелью влиятельных особ или же членов их семей. Боюсь, нам трудно будет обосновать интерес барона Штольца к гибели простого инженера-путейца и тем более к поиску какого-то путевого обходчика.

– Ваше сиятельство, – обратился я к шефу, – я могу попробовать провести расследование скрытно. Мне тут в наследство досталась деревенька. Верхние Караси. Это как раз неподалёку от Миассово. Я могу наведаться туда и поинтересоваться, владельцем чего стану. Заодно по-соседски навещу графа Миассова. Ну и разведую, что к чему.

– Это хороший повод, – согласился лорд куратор, – чтобы появиться на месте происшествия как бы невзначай. Мне нравится, господин Штолец ваша сметливость. Как и инициатива. Однако не стоит забывать, что граф Миассов тоже попадает под подозрение комитета. Машиностроительный завод расположен на его землях, что заставляет усомниться

в безоговорочной его лояльности и законопослушности. Но всё же добиваться полной скрытности вам не понадобится. Поскольку подспорьем вам послужит тот факт, что вдова инженера, в девичестве Солоденникова, родом, хоть и из разорившихся, но всё же дворян. Это ли, ваше светлейшество, – лорд куратор даже не глянул на Ашинского, лишь слегка поведя в его сторону подбородком, – не достаточная причина обратить внимание комиссара на гибель инженера?

– Вполне, – задумчиво кивнул Ашинский. – Мне кажется, граф Миассов не станет чинить препятствий расследованию. Скажу более, Зигмунд Поликарпович, по моему разумению, вполне заслуживает доверия. Он хоть давеча и угодил в опалу, но не вполне заслуженно. И я надеюсь, граф понимает, что проявить лояльность – это его прямой долг и обязанность. Но и мы, в свою очередь, всенепременно обеспечим комиссару Штольцу содействие на месте расследования. Естественно, при полном сокрытии истинной цели, преследуемой вашим агентом. Чем, ваше сиятельство, мы ещё можем вам помочь?

Вместо кера Сотекса ответил я:

– У меня будет просьба. Две. Если это возможно, позвольте взять с собой для расследования инспектора Холмова. С его опытом сыскной работы мы разберёмся в деле куда быстрее. А ещё, раз эльфы наделали патронов к моему пистолету, хотелось бы пополнить боезапас. Всё, что было у Шварца, я потратил во дворце, а пистолет мой всё-таки лучше ваших

укоротов будет. Да и попривычнее.

– Хорошо, – кивнул Ашинский, нахмурившись. Не понравилось ему моё напоминание о недавних событиях. – Холмова можете приобщать к расследованию, но без посвящения в скрытые мотивы оного. Ни к чему Шарапу Володовичу вникать в детали деятельности вашего комитета. Что касаето оружия, мои люди уже обнаружили схрон эльфов, нанятых виконтом. Патроны я тотчас же распоряжусь доставить вам нарочным в управление. Вы ведь всё равно отправитесь туда за инспектором. Ещё что-то?

– Этого вполне достаточно, – лорд куратор поднялся из кресла, за ним встали и Ашинский с Чубисом, после чего и я поспешно вскочил со своего места. – За сим, господа, позвольте откланяться. Дело не терпит отлагательств, а господину Штольцу ещё надлежит получить ряд инструкций и наставлений.

Распрощавшись с новым властителем и его помощником, мы с кером Сотексом отправились в его резиденцию при дворце, где нас дожидался Тимонилино.

– Можешь идти греть котлы, – обрадовал я орка. – Срочно выезжаем на расследование. Сейчас побеседую с лордом куратором, потом заскочим в управу за Холмовым и сразу же рванём в Миассово. Так что, будь добр, запасись дополнительными дровами, путь предстоит неблизкий.

– Углём, братец, углём, – чуть ли не обижено заявил Тимон. – Нам с тобой не пирожки выпекать. И пароход – это

тебе не печь в избе, чтоб дрова в топку пихать.

Я пожал плечами. Углём, так углём. Мне без разницы, пусть хоть шишками еловыми. Главное, чтоб хватило на всю дорогу.

Глава 2

Холмова мы в управлении не застали. Пришлось ждать его возвращения с очередного служебного выезда. Но время не пропало даром – я успел пообщаться с Роговым.

Вениамин Архипович очень удивился, когда я продемонстрировал ему пистолет, таким невероятным способом вновь у меня оказавшийся. Никому Рогов оружие не передавал и был абсолютно уверен, что «Макаров» по-прежнему лежит у него в шкафу. Даже сбегал проверил, погромыхав нервно выдвигаемыми ящиками, и вернулся ко мне, сокрушённо качая головой:

– Это как же я не уследил? Кто ж посмел-то? И ведь прямо из-под носа...

Деду я поверил. Не сумел бы он столь правдоподобно сыграть крайнюю степень обескураженности и недоумения. Ведь это даже не просто актёром нужно быть, а суперталантливым актёрищем.

Рогов так расстроился, что даже не стал ворчать, когда я попросил его выдать мне новый жилет с кольчужным подкладом взамен повреждённого. Только и сказал:

– Вы уж, молодой человек, как-нибудь поосторожнее, что ли. Я ведь уже со счёта сбился, защиту вам меняючи. Удача – она ведь не бесконечно вашей беспечности потворствовать будет, может и закончиться внезапно.

Пообещал поберечься. Так-то это в моих же интересах, в первую очередь.

Инспектор Холмов добрался до управления уже после визита посыльного, что привёз мне аж четыре полных магазина к пистолету. А прежде мы с орком ещё успели отправить депешу старику Флипке, предупреждая о своём срочном отъезде на неопределённый срок. Так что домой можно было и не заезжать.

Тем более у Тимона весь боезапас оказался уже при себе – как выяснилось, этот ушлый верзила где-то сумел раздобыть широченный поясной ремень со множеством ячеек под патроны к своему «Громобою». И ещё с присобаченной сбобку кобурой, едва скрываемой полами неизменной кожаной куртки.

Вид теперь орк имел ещё более внушительный, чем раньше, но лично я побоялся бы таскать набитый патронами пояс на себе. Вдруг кто-нибудь выстрелит и попадёт в одну из прозрачных гильз. Хоть Рогов и утверждал, что эльфийский стеклографит очень прочный, но чёрт его знает. Рванёт пирогидрит, сдетонировав, и собирай потом по округе оставшиеся от орка сапоги.

Холмов вооружился взятыми у меня укоротами. Пусть и не воевать мы в Миассово ехали, а всего лишь убийство расследовать, но памятуя о моей невероятной способности вступать в разные истории, обычно оканчивающиеся перестрелками, идея хорошенько вооружиться никому не пока-

залась неправильной.

Перед выездом из горда не преминули заскочить пообедать в «Газагов стан» и налопались впрок по самое не хочу. Посему я, пребывая в благостном настроении и развалившись один на заднем диване машины, сдвинул фуражку на нос и вознамерился вздремнуть, пока мы будем добираться. И плевать на шумный, расположенный прямо за мной, паровой двигатель.

Однако орк, усевшись за руль и поглубже, аж до самых ушей, натянув свою красную ковбойскую шляпу, решил вдруг опробовать продемонстрированную мной с утра манеру езды. И разогнался так, что стало страшно не только Холмову, сидевшему рядом с Тимоном, но и мне.

Всю сонливость как рукой сняло. Ремней, а тем паче подушек безопасности, конструкция этого парового кабриолета не предусматривала, поэтому пришлось, ухватившись за борта автомобиля, ногами упираться в передние кресла и молиться о том, чтобы мы не расшиблись, врезавшись во что-нибудь со всего маху.

К счастью, почти сразу за городом мостовая закончилась, а по ямам да ухабам орк гнать поостерёгся. Но и ехать до Верхних Карасей по корявым дорогам пришлось не час, как в моём мире по асфальту, а в несколько раз дольше.

И это нам ещё повезло, что сухо было более-менее. Дождь хоть и прошёл недавно, но не сильный, и дороги успели просохнуть. Зато в самих Карасях орк умудрился засадить авто-

мобиль в грязь по самое днище. И ведь даже не похоже было, что поливал здесь намедни порядочный ливень. Кругом тишь да гладь, солнышко светит, птички поют, начихав на фыркающую паром машину. И вот откуда, спрашивается, в самом центре деревни такая здоровенная лужа, которую ни обойти, ни объехать?

Пришлось нам с инспектором выбираться наружу и, скользя по колено в грязи на разъезжающихся ногах, пытаться вытолкать машину из вязкого плена. Хотя правильнее было бы заставить самого Тимона ворочать эту тяжеленную дурю.

Сразу стало ясно, что автомобилей, особенно паровых, тут отродясь не видывали. Фурор мы вызвали такой, словно прибыли не на машине, а, как Емеля, на самоходной каменной печи. Поглазеть на коптящее небо чудо-юдо за несколько минут сбежался весь деревенский люд. Сначала набежала детвора, потом приковыляли любопытные старички со старушками, и уже после, поддавшись всеобщему соблазну и отложив дела, подтянулась работоспособная часть местного населения.

Окружив лужу, возбуждённо галдящая толпа радостно плялилась на наши с Холмовым безуспешные потуги столкнуть автомобиль с места. Помогать не лез никто. Лишь один солидного вида бородатый мужик в высоком картузе и в тёмном пиджаке поверх цветастой косоворотки, привлекая громким покашливанием наше внимание, не сильно вежли-

во поинтересовался, за каким лядом заезжим господам понадобилось измерять глубину лужи таким дурацким способом.

Оказалось, это здешний староста. Пришлось ставить его в известность, что мы тут вовсе не абы как и не за ради развлечения. Едем по служебной надобности в Миассово, а сюда зарулили, потому как я, барон Владислав Штольц, унаследовал эти земли и решил посмотреть, чем мне предстоит тут владеть.

Радостный людской гвалт в миг сменился на удивлённо-озабоченный, а староста, стащив с головы картуз, принялся ожесточённо теревить его в руках, видимо, усиленно размышляя, чем для деревни обернётся этот его беспечно-язвительный спич. А я, заколебавшись месить ногами грязь, влез на подножку автомобиля и, возвысившись над толпой, хозяйским взглядом обвёл унаследованное поселение.

Не сильно большая деревня в полсотни дворов на берегу хилой вихлястой речушки. Давно почерневшие бревенчатые домишки с плохонькими крышами, многочисленными щелястыми дощатыми пристройками и с такими же непрезентабельными заборами, местами изрядно перекосившимися и давно выгоревшими на солнце. Не полный упадок, конечно, но и зажиточностью как-то не особо пахло. Ещё и лужа эта дурацкая посреди деревни. Не похоже, что покойный мой поливариативный родственничек Анатолий как-то интересо-

вался житьём-бытьём карасёвцев.

В общем, недолго думая, решил я внести свежую струю в жизнь своих будущих подданных. Махнул орку, чтобы стравил пары и не дёргал больше машину, насилуя двигатель. Взобрался повыше, безбожно заляпывая лакированный борт грязью, и высказал умолкшим пейзажам всё, что думаю по поводу плохонького обустройства их деревни. Пристыдил, короче, слегка. После чего, проявив благодушную рачительность, велел старосте причитающуюся мне часть доходов, полученных в этом году, пустить на улучшение жилищно-хозяйственных условий для проживающего населения. А в первую очередь настоятельно рекомендовал засыпать щебнем все ямы на дороге. И особенно эту. В противном же случае пригрозил повысить в будущем налоги и переименовать Верхние Караси в Мерзкие Хляби.

Для контроля целевого использования средств приказал собрать комиссию из самых уважаемых жителей деревни. А в последующие годы распорядился уменьшить отчисления в мой карман, расходуя половину денег на поддержание хозяйства, в том числе и дорог, в надлежащем виде.

Думается, со стороны я выглядел одновременно Владимиром Ильичом, толкающим пламенную революционную речь с башни броневика, и Остапом Бендером, призывающим собравшихся зевак ударить автопробегом по бездорожью и разгильдяйству.

Сами же карасёвцы тем временем поддержали мои ини-

циативы восторженными воплями и, кинувшись к машине, чуть ли не за пару секунд вытолкали её из грязи на сухое место.

– Экий вы мастак обещания щедрые раздавать, – наклонился к моему уху Холмов. – Не пожалеете потом, не переживаете?

– Да чего тут жалеть? – пожал я плечами. – Я же ещё надеюсь вернуться в свой мир. Когда-нибудь. Так пусть, пока я тут хозяином числиться буду, народ хоть получше обустроится. А с деньгами у меня и так всё нормально. Я вон до сих пор аванс, ещё при Снежине выданный, не потратил и не отработал, а мне уже снова денег отсыпали.

Тут я ничуть не приукрашивал. За всё время я только на одежду да на еду и тратился. Дом – он казённый, прислуга тоже на балансе конторы. Машина и та комитетская. Поэтому у меня на самом деле с первого аванса ещё горсть золотых монет осталась, а кер Сотекс, когда меня нынче перед поездкой инструктировал, напоследок пачку крупных ассигнаций выдал. Солидную такую, замучаешься тратить. Я даже под это дело саквояжик специально прихватил и подумал, что надо бы теперь начать этими бумажками рассчитывать, а монеты поберечь. Вдруг и впрямь получится домой вернуться. Кому там нужны будут банкноты коронного банка герцогства Селябского? А золото – оно и в Африке золото. Везде ценится.

– Неожиданный у вас подход к ведению хозяйства, – оза-

даченно оттопырив губу, качнул головой инспектор. – Впрочем, вижу, ваша речь произвела на селян неизгладимое впечатление. Народная любовь вам теперь обеспечена.

– Не вижу в том причин для беспокойства, – улыбнулся я и повернулся к старосте, явно желавшему что-то сказать, но пока не решавшемуся помешать нашей с Холмовым беседе: – Чего хотел, уважаемый?

– Вы уж извиняйте, ваша милость, но нам бы бумагу от вас, – заискивающе глянул на меня бородач и пояснил: – Официальную. Дабы запечатлеть благое волеизъявление. Словам вашим, оно конечно, вера наша всенепременная. Но для порядку, стало быть, нам бы документик с вашей подписью.

– И то верно, – не стал я делать вид, что оскорблён недоверием подданных. – Только вот у меня под рукой ни бумаги, ни ручки нет. Пера, в смысле.

– Не извольте беспокоиться, – засуетился староста, – у меня в доме всё имеется. Туточки недалече совсем, я покажу. Я уж и первака своего послал подготовить всё. Даже в дом вас не потащим, прямо на дворе оформим бумагу-то. Мы же со всем пониманием, господин барон. Коли говорите, что дело у вас спешное, стало быть, надолго не посмеем задержать.

Так и вышло, управились махом. Шарап Володович по моей просьбе быстренько накидал текст распоряжения, а я уже с важным видом изобразил под начертанным размашистую подпись к невероятной радости старосты и остальных сель-

чан.

Более задерживаться в Карасях не стали. Даже несмотря на то, что наша с инспектором одежда требовала серьёзной капитальной чистки. Про обувь и вовсе можно не упоминать – изгваздались мы знатно. Но что-то не возникало у меня желания манкировать распоряжениями кера Сотекса. И вовсе не из опасения вызвать недовольство лорда куратора. Просто, похоже, передалась мне его тревожная озабоченность, вызванная таинственным происшествием в Миассово.

Решил я, что граф простит нам подпорченный дорожными перипетиями внешний вид. И оказался прав. Добравшись до усадьбы, расположенной почти на самом берегу озера Тургояк, встречены мы были хозяином более чем радушно.

– Владислав Сергеевич, голубчик! – узнав меня, старик Миассов с распростёртыми объятиями и чуть ли не бегом спустился с высокого крыльца своего каменного особняка, вполне способного претендовать на звание небольшого дворца. – А я-то думаю, кто это к нам пожаловал на таком роскошном новеньком пароходе! Таким чудом даже я до сих пор не обзавёлся. Видать, дела ваши сильно хороши. Вон мундир-то какой на вас! И орден, я погляжу, заслужить успели! Орёл! Право слово, орёл! Какими же судьбами в наших столь отдалённых краях? Шарап Володович, и вы здесь?! Премного рад, премного рад, господа! Милости прошу!

– Мы тоже, ваше сиятельство, очень рады встрече, – только и успел вымолвить я, прежде чем сияющий восторгом ста-

рик страстно прижал меня к себе.

Ладно хоть лобызаться не полез. Но зато не обошлось без чересчур активного радушного похлопывания по спине. Даже фуражка от такой тряски съехала набок и чуть не свалилась с головы. Еле успел поймать. Надо бы как-нибудь повиниться, что ли, перед стариком. Это же его, получается, с моей подачи в отставку отправили.

– Ну а вы-то здесь как? – Миассов выпустил меня и переключился на Холмова. – Только не говорите, что специально ехали в эту глушь проведать старика. Всё равно не поверю.

– Так мы же с вами, Зигмунд Поликарпович, теперь соседи, – похвастался я. – Мне барон Штольц Верхние Караси завещал. Так что я отныне намерен частенько в ваших краях появляться.

– Завещал? – удивлённо глянул на меня Миассов, отстраняясь от Шарапа Володовича. – Это как же? Неужто случилось что с Анатолем?

К Тимону граф обниматься не полез и ограничился лишь сухим рукопожатием.

– А вы разве не в курсе? – в свою очередь удивился я. – Он погиб на дуэли.

– Надо же! – всплеснул руками старик. – Это когда же он успел? Впрочем, с его-то лихостью да задором... А я с этими сборами да переездами ни сном, ни духом. Давайте-ка, господа, проходите в дом да будьте моими гостями. Я распоряжусь, чтоб багаж ваш занесли. А вы пока что растолкуете,

что там за дуэль вышла, да заодно и о столичных новостях поведаете. Вот только, вижу я, дорога у вас случилась не ахти какая, и без напастей не обошлось. Посему рад буду пригласить вас прежде побывать в моих термах. И вы от грязи дорожной отмоетесь, и я заодно косточки старые погрею. А вашу одёжу моя дворня тем временем в порядок приведёт.

Понятное дело, отказываться мы не стали. Только я думал, что под термами граф баню подразумевает, но оказался неправ. Баней назвать устроенную в одном из крыльев усадьбы помывочную язык не поворачивался. Несколько помещений с разной температурой и влажностью, богато отделанные мрамором. Подогреваемые пол, стены и каменные лежаки. И конечно же пара бассейнов. Один с тёплой, а другой с прохладной водой. Самое то для расслабления и последующей неспешной беседы.

Вот, завернувшись в простыни, развалившись на лежаках и поглощая принесённый слугами перекус, словно какие древнеримские патриции, мы с друзьями и поведали графу о событиях последних дней. А о переполохе в дворянском собрании и воследовавших приключениях в герцогском дворце пришлось мне и вовсе в мельчайших подробностях на несколько раз всё пересказывать. Больно уж огромное к этому Зигмунд Поликарпович любопытство проявил.

Единственное, о своём переходе в комитет я промолчал. Если уж мне запретили даже Холмову об этом говорить, то графа и подавно не стоило ставить в известность. Пожилым

людям частенько ведь уже трудно бывает уследить за языком. Вот язык-то на радостях и пользуется независимостью от ума. Взболтнёт Миассов кому ненароком, и вся моя конспирация накроется медным тазом.

Но о назначенном расследовании гибели инженера Ильина пришлось конечно же рассказать.

– Помню я Ивана Федотыча, – покивал старик. – Не последним человеком в графстве был и с сыном моим дружбу водил, пока в заграничах обучался. О недавней смерти его нелепой я слышал. Да только не думал, что потребуется расследовать происшествие это. Супруга его, Агафья Егоровна, знамо дело, горевала очень да не верила в случайность-то. Всё уверяла, что чей-то умысел злой беде оной причина. Да куда деваться-то? Пойди теперь узнай, что там произошло. И даже вы, голубчик, – махнул в мою сторону рукой граф, – вряд ли что сможете. Уж так беднягу Ивана Федотыча колёсами-то посекло-подавило, что, говорят, и смотреть страшно было. Вот похоронщики его поскорее и кремировали. Вы, Владислав Сергеевич, хоть и при способностях будете, но от погребённого уже пепла и вам, думается, ничего выведать не удастся.

– Вот тебе и на, – опечалился я эдаким пердимоноклем. – Что же теперь делать?

– Расследовать обычным способом, – не пошёл на поводу у моего пессимизма Холмов. – Впрочем, почему бы вам всё же не попробовать вашими способностями воспользоваться?

А ну как получится.

– И то верно, братец, – подал голос орк, – попытка не пытка.

– Конечно же, голубчик, попробуйте, – поддержал моих товарищей граф. – Уж ничего с того не случится, даже если и не выйдет. А людям своим я накажу, чтоб расследованию вашему, коли таковое всё ж затеете, всячески поспособствовали. Но это уже всё с утра. Теперь же я категорически настаиваю, чтобы ужинать и ночевать вы остались у меня. И отказа вашего я, уж простите, принимать не намерен.

Но мы, собственно, и здесь не противились. Всё лучше, чем на постоялом дворе ночевать. Там, может, с местами туго. Пришлось бы, не дай бог, всем втроём в одном номере тесниться. А тут каждому отдельную комнату выделили. Чего упрямитесь то?

А ещё за ужином мы с графской воспитанницей познакомились. Ну как с графской, так-то Миассов и сам её вроде как не часто видел до недавнего времени. Просто девушка, являясь какой-то дальней родственницей, жила здесь, что называется, на полном пансионе и даже получала дополнительное домашнее образование, хотя до этого и обучалась в каком-то заграничном институте благородных девиц. Приставлен к ней был какой-то немец Кляксерман, по словам графа, шибко сведущий во всех известных науках. Вот этот деятель и обучал девушку всем премудростям, от астрономии с геометрией до танцев и этикета.

Звали подопечную графа Елизаветой Тихоновной. Была она юна, свежа лицом и несказанно очаровательна, даже несмотря на слегка оттопыренные уши и чуть жидковатые тёмно-русые волосы, уложенные на макушке в забавные плетёные крендельки. Зато улыбалась она очень мило. И во взгляде её огромных голубых глаз читался такой неподдельный интерес к моей персоне, что я просто не смог оставить его безответным. Вот и болтал без умолку, чуть ли не совсем позабыв про еду.

Глава 3

С утра поспать подольше, увы, не вышло. Помешал орк, принявшийся тарабанить в дверь моей комнаты ногами и тем самым, похоже, решивший поставить весь дом на уши. А выбираться из постели мне не хотелось от слова совсем. Я и улёгся-то лишь под утро.

Вчера после ужина Елизавета Тихоновна сначала немного потерзала мой слух весьма посредственной игрой на пианино, страстно колотя пальчиками по клавишам, часто стреляя глазками и усердно растягивая милое личико в многообещающей улыбке. А после потащила меня на вечерний променад, устроив экскурсию по огромному графскому парку, разбитому в чисто английском стиле.

По сути, это был облагороженный лес – никаких тебе ровных дорожек, никаких прямых линий и правильных геометрических фигур. Эдакие типа хаотично разбросанные лужайки, цветники и деревья, создающие иллюзию натуральности. И вроде создано всё было самой природой, но чувствовалось, что графские садовники приложили невероятные усилия, оформляя эту тщательно продуманную красоту.

Впрочем, вскоре мне стало совсем не до прелестей ландшафтного дизайна. Елизавета Тихоновна оказалась довольно бойкой девицей. Едва мы удалились от крыльца, эта очаровательная хитрюга повисла у меня на руке, засыпала кучей

вопросов и, внимая моим рассказам с широко раскрытыми глазами, увлекла в глубины парка к какому-то небольшому пруду.

А уж там, на берегу этого затянутого бурой ряской водоёмчика, предложив расположиться в ажурной беседке, скрытой от посторонних глаз плакучими ивами, принялась сетовать на незавидную свою судьбу. Мол, это я, такой везунчик, имею счастье вращаться в свете, любуясь столичными красотками. А вот она, бедняжка, обречена прозябать на задворках страны, скучать без общества и носить платья, давно вышедшие из моды. В связи с чем вынуждена тяготиться невозможностью проявления к себе трепетного внимания такого героического столичного красавца, как я.

При этом не переставала столь томно вздыхать и кокетливо закатывать глазки, что я вынужден был проявить галантность и утешить лукавую страдалицу парой незатейливых комплементов. Увы, тут же ставших поводом для новой порции её жеманного манерничанья и благодарного поцелуя. А потом и второго.

Ну а дальше всё пошло, как по накатанной. Нежные и почти невинные объятия при луне очень быстро превратились в страстные, а после и вовсе переросли в любовные игрища, да такие, что я слегка опешил. И дело было не в экстремальной обстановке, полной неудобств, и даже не во взрывном девичьем темпераменте, вполне присущем неумной юности, а в неожиданной раскованности этой провинци-

альной шалуньи и неудержимой её порочной изобретательности. Благодаря которой мне, а ещё больше бедной беседке, пришлось выдержать нелёгкое испытание на прочность.

Уж не знаю, кто Елизавету Тихоновну научил всем этим любовным премудростям и акробатическим этюдам, но от юной девицы я такого напора и фантазии сроду не ожидал. Целомудрием там и не пахло, а я даже в своём мире не вытворял ничего подобного, да к тому же ещё в таких условиях и количествах.

Поэтому немудрено, что утренний дебош Тимона я встретил чуть ли не матом. Ну не мог, паразит, хотя бы на пару часиков попозже меня разбудить?

– Вставай лежебока! – бодро заявил орк, пропуская мимо ушей мое сердитое ворчание. – К тебе уже дважды слуг посылали, разбудить пытались да на завтрак позвать.

– Правда? Не слышал.

– Ещё бы, – небрежно отодвинув меня с пути и проигнорировав предложенный стул, Тимон прошёл к окну и привычно пристроил зад на подоконнике. – После твоих вчерашних подвигов я вообще сильно сомневался, что ты нынче сам встанешь.

– Подвигов? А ты откуда знаешь?

– Братец, у тебя что, до сих пор кровь обратно к голове не прилила? Забыл, что меня специально для охраны к тебе назначили? Неужто думал, что я тебя без пригляду оставлю?

– В смысле? Ты что, подсматривал? – чуть не задохнулся

я от возмущения.

– Да больно-то надо на ваши непотребства пялиться, – гоготнул Тимон. – Эка невидаль. Да не конфузься ты и слюной попусту не брызжи. Ну прилёг я за кусточками на звёзды полюбоваться. Да насилу вас дождался. Уж подумывать начал, что до утра не угомонитесь, но, благо дело, обошлось.

– Скажешь тоже, – вздохнул я с облегчением. На публике мне ещё сексуальных утех не хватало. – И так еле выжил. Даже таблеток на ночь пришлось наглотаться, так болячки все разом разнылись.

– Ну так сам виноват. Скачешь по девкам, удержи не знаючи, будто блоха по псынам дворовым.

– А ты меня не виновать! – возмутился я беспардонностью названного братца. – Сам же в курсе, что это всё побочка от перехода между мирами. Они сами ко мне лезут. А я соглашаюсь, потому как боюсь отказом травмировать психику бедняжек. Добрый я, понял? И вообще, ты меня разбудил, вот и всё, спасибо. Сейчас умоюсь и спущусь на завтрак. А ты можешь пойти Холмова подонимать.

– Так инспектор, не то что ты, давно уж отбыл. Сказал, что намерен поначалу попробовать Поздеева Никодима разыскать. А нам, стало быть, наказал на погост городской двигать да стараться что-нибудь у самого инженера покойного выведать. Но я так думаю, чего нам меж могил блуждать, нужную разыскивая? Нам бы лучше вдову навестить, да попросить её проводить, куда надобно.

Такая идея орка показалась мне весьма здравой, и после завтрака мы сразу же покатали в Миассово. В городской жандармерии, благодаря моему парадному мундиру с блестящим на груди орденом, да ещё и вкупе с продемонстрированной служебной бляхой, нам без всяких проволочек выдали адрес Ильина, и мы с Тимоном очень быстро добрались до нужного нам доходного дома.

Дверь большой многокомнатной съёмной квартиры на втором этаже отворила забавная девчужка лет шести-семи на вид. Совершенно не интересуясь, кто мы да что, вежливо пригласила проходить и сразу же умчалась куда-то вприпрыжку. Саму же Агафью Егоровну мы застали за шитьём.

Довольно молодая, красивая. Стройная фигура, горделивая осанка, каковую и подобало иметь любой девушке из дворянской семьи. И при этом изящные пальчики очень шустро и умело перебирали расстеленную на столе ткань, подставляя её край под снующую вверх-вниз иглу швейной машинки.

Видно, что не привыкать ей к такому труду. Хотя вряд ли инженер на железной дороге имел столь низкое жалование, что не мог позволить своей семье одеваться в готовое платье из магазинов. Да и машинка швейная, как мне показалось, не из дешёвых была. Походила на старинный «Зингер» с ножным педально-ременным приводом. Был когда-то такой агрегат у моей бабушки. Подарок деда, вернувшегося в сорок пятом. Как он из Германии допёр эту трофейную дуру до до-

ма, даже представить не могу. Там одно чугунное основание весило недурно, да плюс сама машинка.

В общем, не похоже было, что девушка по нужде за шитьё засела. Либо хобби это у неё такое, либо она сейчас подобным образом нервы свои успокаивала. А в том, что смерть мужа сильно расстроила Агафью Егоровну, можно было не сомневаться. Я это почувствовал с первых же секунд нашего с ней разговора.

Нет, она не рыдала, не истерила и с нами была предельно обходительна. Но сдержанность и напускное спокойствие явно стоили девушке невероятных усилий.

– Я очень рада, господа, – узнав о цели нашего визита, заявила она тихим голосом, – что коронное сыскное ведомство приняло во внимание и не пренебрегло моим прошением, назначив дополнительное расследование этого злополучного происшествия. И я надеюсь, господа, что вы не припишете моему радению меркантильный интерес, означенный лишь желанием вытребовать с железной дороги пособие.

– Ни в коей мере, сударыня, – опередил меня Тимон. Мне оставалось лишь кивком подтвердить его слова.

– Прекрасно. Поскольку я, хорошо зная Ивана Федотыча, никак не посмела бы подвергнуть сомнению его разумение и старание в работе. Мне надобно правду знать, а без пособия я уж как-нибудь обойдусь.

– Агафья Егоровна, – я позволил себе чуть ускорить процесс, – мы с вами согласны и ничуть не сомневаемся, что на-

рушением техники безопасности лишь отговорка руководства, не желающего знать истинных причин инцидента. Мы и прибыли, чтобы разобраться во всём. И нам потребуется ваша помощь. Совсем небольшая. Нам нужно, чтобы вы проводили нас на могилу вашего мужа.

Вдова взглянула на нас с сомнением, видимо, силясь понять, каким образом посещение могилы может способствовать расследованию. Пришлось пояснить:

– Видите ли, сударыня, я обладаю некоторыми способностями, позволяющими общаться с душами умерших. И очень надеюсь увидеть глазами вашего супруга события, предшествующие гибели.

– Но с того дня прошло уже более седмицы, – Агафья Егоровна глянула на меня ещё более недоверчиво. – Да и кремировали его в тот же день, как нашли. Ни взглянуть, ни проститься мне даже не позволили.

– Мы в курсе, сударыня. Но всё же намерены попробовать. Вдруг да получится.

– Что ж, если вы настаиваете, – кивнула вдова, – не смею перечить. Позвольте лишь приберу работу да упрежу соседку, чтоб приглядела за моей Сонюшкой.

Минут через десять мы уже выехали на кладбище, привлекая прохожих зевак отчаянно дымящей трубой нашего парохода. Видать, сегодня Тимонилино заправил топку не сильно качественным углём. Да ещё и ветер был попутным, а двигались мы по неровной дороге не так чтобы быстро. Поэтому,

несмотря на жару, пришлось нам с орком надевать защитные плащи, очки, а носы укутывать шарфами. Агафья Егоровна от очков отказалась и просто зажмурилась, прикрыв лицо шейным платком.

Но один чёрт, пока добрались до кладбища, все здорово надышались едким дымом и прокоптились насквозь. Ещё и вспотели нещадно.

Кладбище оказалось не очень большим. По крайней мере, не таким большим, к каким я привык в своём мире. И никаких оградок, как у нас, зачем-то старающихся за столбить как можно большую территорию для покойника и иной раз сильно мешающих передвигаться по кладбищу. А ещё новых могил здесь обнаружилось совсем чуть. В принципе, могли бы и сами всё найти, не тревожа вдову. Просто вместо того, чтобы сразу пройти к нужному месту, пришлось бы обойти эту юдоль печали по периметру, читая имена усопших на свежих захоронениях.

Понятное дело, памятники на таковых ставить было рано, земле предстояло ещё порядочно осесть. Так что из могильных куч торчали пока лишь одни фанерные таблички, навряд ли тех, что размещают иногда у нас на газонах с требованием не ходить по траве.

Народу почти не было. Несколько индивидуумов вяло ковыряли землю вдали, похоже, взявшись за работу совсем недавно. Яму выкопать успели лишь по колено и дальше углубляться особо не спешили, уделяя гораздо больше вни-

мания не труду, а большой бутылке, чинно передаваемой из рук в руки.

Едва мы добрались до нужной могилы, горка земли на которой, кстати, была совсем невелика, Агафья Егоровна усе-лась на корточках возле кривовато установленной таблички и принялась зачем-то поправлять сложенные рядом букетики цветов, при том что-то тихонечко нашептывая. Тимон молча встал в сторонке, понимая, что не стоит меня сейчас ничем отвлекать, а сам я, тоже присев, закрыл глаза и постарался настроиться на нужный лад.

Очень я надеялся, что не зря в моём мире отмечают де-вять и сорок дней после кончины человека, считая, что до тех пор душа его не исчезает, а витает где-то поблизости, на-блюдая за живыми близкими. Возможно, это так оно и есть. И, хотелось верить, что в этом мире у высвобожденных душ не более короткие сроки привязки к телу.

Очень долго ничего не происходило. Очень. Ноги стали затекать, и я просто плюхнулся задом на землю, плюнув на приличия и чистоту одежды.

Чуть поёрзав, уселся поудобнее. Немного отвлекал шёпот вдовы, но не приказывать же ей было заткнуться.

Впрочем, она и сама в конце концов умолкла, позволив мне сконцентрироваться и перестать замечать окружающий мир.

Ещё пару минут в моём восприятии тонкого мира ниче-го не изменялось, будто и не было его вовсе. Но потом ед-

ва осязаемое волнение невидимых материй вдруг зародилось прямо передо мной. До сей поры невозмутимая пустота чуть уплотнилась, образовав слегка вибрирующий сгусток энергии. А тот в свою очередь, приблизившись вплотную ко мне и словно пропустив тонкое щупальце прямо сквозь череп, пощекотал мой мозг.

Я открыл глаза, но почему-то не увидел дымного облачка, в виде которого моё воображение обычно воспринимало души покойных. Даже никакого марева, пусть и еле заметного. Ничего. Однако я совершенно явственно ощущал присутствие чьей-то, как это здесь называют, тонкой оболочки или информационно-биологического поля. Оставалось лишь убедиться, что принадлежало это эфемерное образование именно инженеру Ильину, а не какому-нибудь другому усопшему из соседней могилы.

Вновь закрыл глаза в надежде почувствовать прикосновение чужой души. И на этот раз долго ждать не пришлось. Всего пара секунд, лёгкий холодок в позвоночнике, и чёткая яркая картинка заполнила мой разум.

Вполне ожидаемые рельсы перед глазами. Значит, точно с Ильиным контакт я наладил. Вряд ли на кладбище полно усопших железнодорожников, учитывая, что паровозы только-только появляются в этом мире.

Так, полотно впереди раздвигается. Одна из линий сворачивает направо. В месте ответвления рядом с рельсами торчит станина флюгарки – ручной переводной стрелки с за-

жжённным фонарём наверху и торчащими сбоку рычагами. Я такие устройства разве что в кино раньше видел. За верхний рычаг нужно дёргать, чтоб рельсы сдвинуть, а на нижнем противовес присобачен для облегчения работы.

Ильин, похоже, как раз к стрелке направлялся. Смотрел то на неё, то себе под ноги, демонстрируя не очень чистые и сильно разбитые, попеременно мелькающие перед моим взором яловые сапоги. Шагал, кстати, не по шпалам, а рядом по насыпи, громко шурша гравием. А позади инженера, вероятно, ещё кто-то шёл, потому как звук шагов периодически словно эхом обзаводились. Я сначала даже подумал, что мне это мерещится.

Но нет. Где-то за спиной раздался гудок паровоза. Инженер, уже почти добравшийся до стрелки, оглянулся, всматриваясь вдаль и цепляя краем глаза фигуру мужчины. Со всем мельком.

Лица разглядеть не удалось. Незнакомец как раз тоже обернулся на звук громкого протяжного сигнала, а потом и сам инженер решил вновь уделить внимание флюгарке.

Я увидел руки, ухватившиеся и потянувшие за переводной рычаг.

«Вы бы, что ли, ваше благородие, от путей-то подале отшагнули, – раздался у меня в ушах грубоватый бас инженера. – Не ровён час, зашибёт вас машиной, а мне отвечать потом».

Ответа я не расслышал. Если и был таков, то его заглушил

повторный гудок паровоза. Но когда инженер поднял глаза на приближающийся состав, никакого «благородия» в поле зрения уже не обнаружилось. Видимо, спутник инженера воспользовался-таки дельным советом.

Лязгнули соединительные тяги флюгарки, меняя, кажется, положение стальных остряков на рельсах, и инженер надумал было оглянуться. Я обрадовался, что увижу сейчас несомненного виновника гибели Ильина, но не тут-то было.

Над ухом гроыхнуло. Полыхнуло яркой вспышкой, ослепляя даже сквозь опущенные веки, и меня грубым толчком повалили набок, жёстко придавливая сверху.

Видение тут же рассеялось, как его и не бывало. А я зарылся мордой в кучу сырой земли, перед которой только что сидел.

Я даже испугался, что сейчас задохнусь, не сумев вывернуть голову под гнётom неподъёмной туши выстрелившего в кого-то орка. Но к счастью Тимон не намеревался долго на мне валяться и резво откатился в сторону.

Обкладывать его матом, хоть и здорово хотелось, я не стал. Понятно, что просто так валять меня в грязи и палить по сторонам этот громила не стал бы. На то наверняка имелась какая-то веская причина. Потому и вскакивать на ноги, едва обретя свободу, я даже не подумал.

Отплёвываясь от земли, непонятно как набившейся в рот, и радуясь, что глаза мои в момент падения были закрыты, я чуть приподнялся на локтях и закрутил головой по сторонам.

Каким-то макарном лишившийся своей дурацкой шляпы, Тимонилино не просто так слез с меня, он успел повалить на землю ещё и Агафью Егоровну. И теперь, распластавшись между мной и девушкой, прикрываясь могильной кучкой, будто бруствером, целился в кого-то из «Громобоя».

Зажмурившись, я переждал очередной выстрел орка. Едва звон в ушах утих, спросил:

– Кто там? На нас напали?

– Ага, – радостно оскалился Тимон. – Землекопы фальшивыми оказались. Думали, я их не вижу. Сунулись было, да я их обратно в яму-то ихнюю и загнал. Одного, кажись, подстрелил.

– Чё ты радуешься то? Как там Агафья Егоровна? Не вижу её за тобой.

– Подранили её, – повернулся орк на миг к Ильиной, заодно пуская бритой лысиной зайчика мне в глаза. – Но не сильно, жить будет.

– Твою же мать, – тихонько ругнулся я. – Сколько там их?

– Не переживай, братец, отобьёмся. Четверо теперь осталось. Все с дрововиками.

Хорошо. В смысле, что четверо всего. Радости от очередной заварушки, в отличие от Тимона, я не испытывал. Играть в затяжную войну среди могил нам нельзя. Кто его знает, вдруг к нападавшим подмога прибудет. И тогда нам точно хана. На дистанции пружинные самострелы бьют точнее наших короткостволов. Да ещё и окружить нас могут, расстре-

ляв со всех сторон. Нафиг-нафиг. К тому же вдову инженера тоже долго держать тут не стоит. Чёрт его знает, что там за рана у неё. Это в понимании Тимона ничего страшного, а на самом деле запросто можно протянуть время и не спасти потом девушку.

Глава 4

– Так, Тимон, план будет такой, – решил я проявить инициативу, – ты меня прикрываешь отсюда, а я скрытно подбираюсь к этим козлам с фланга и мочу их в сортире. В смысле, в могиле, чтоб не зря её копали.

– Нет, братец, так не пойдёт. Это как же я тебя охранять буду, здесь отлёживаясь, в то время, как ты на врага дуром попрёшь? Не дело это. Давай наоборот.

– Ещё какое дело, – не согласился я. – Никаких наоборотов. Во-первых, я мельче тебя и к тому же в жилете защитном. А значит, попасть в меня и, соответственно, ранить сложнее. Не то что в тебя, слона такого. Во-вторых, у тебя зарядов больше, и тебе проще меня прикрывать будет. А в-третьих, мы оба знаем, ты намного лучше меня издали стреляешь. Может даже ещё и подстрелишь кого, пока я до них добираюсь.

Мой последний довод, как я заметил, больше всего орку по душе пришёлся. Это я с правильной стороны зашёл. Здоровяк иногда поражает своей инфантильностью, пусть и тщательно скрываемой. А мне всё равно периодически удаётся подцепить его на крючок, просто льстиво подсунув «конфетку в красивой обёртке».

– В общем, никаких споров, решаем так, – продолжил я, – делаешь пару выстрелов, а я в это время перебираюсь немно-

го вперёд. Даёшь мне секунд десять-пятнадцать на подготовку к следующему броску и вновь стреляешь. Тоже пару-тройку раз, чтоб паразиты даже высунуться боялись. Сам я пока стрелять не буду. И патроны так поберегу, и внимание к себе меньше привлеку.

Тимон кивнул. Вот и славно. Я снял фуражку и положил её перед собой на могилку. Мне она всё равно мешаться будет, а так, может, хоть немного дезориентирует противника. Конечно, на это слабая надежда, но тут любая мелочь в копилку плюсом пойдёт.

Вытащил пистолет, клацнул затвором. Пусть и не собирался прямо сейчас стрелять, но готовым нужно быть к любой неожиданности.

– Всё, давай, – дал я орку отмашку.

И, едва тот выстрелил, рванул с низкого старта вперёд, забирая немного в сторону.

Чуть ли не на четвереньках преодолел всего лишь несколько метров и рыбкой нырнул на землю. Перекатился вбок, прячась за могилами. Прополз между двумя вытянутыми невысокими холмиками и приготовился к новому броску.

Вовремя. Бахнул выстрел «Громобоя», и я практически прыжком прямо из лежачего положения пролетел ещё часть пути.

Падение, перекат в сторону – всё, как положено. Продвижение вперёд по-пластунски, почти не поднимая головы. Она-то у меня ничем не защищена. Жалко будет, если про-

дырвят. И жалко, что деревьев тут нет с кустами, не за что особо прятаться.

Постарался забрать ещё немного вбок, чтобы от линии огня как можно дальше убраться да к тому же из поля зрения противника скрыться. Правда для этого приходилось ползти, петляя между могилами, что несколько замедляло движение в нужном направлении. Но красавчик орк, видимо, внимательно наблюдающий за моими перемещениями, давал мне время на преодоление препятствий и подготовку к следующей перебежке.

Иногда я слышал щёлкание дротовиков. Это фальшивые гробокопатели отвечали Тимону пылкой взаимной любовью. В меня пока не стреляли – не летали надо мной дротики. Хотелось надеяться, что мой хитрый финт ушами остался незамеченным. Но расслабляться и исключать вариант, что противник просто выжидает удобного момента, чтобы получше в меня прицелиться, не стоило.

Под грохот выстрелов очередное перемещение вперёд. Пока бежал, мельком глянул на импровизированный вражеский окоп. Пуля Тимона как раз врезалась в горку земли перед врагами. Совсем поверху прошла, выбив мелкое чёрное крошево, разлетевшееся в стороны микроскопическим взрывом.

Чудесно. Это, наверное, даже лучше. Как по мне, так летящие в лицо комья земли вызывают желание пригнуться куда сильнее, чем свистящие где-то над головой пули. Особенно

но если знаешь, что свиста пули, предназначенной тебе судьбой, ты не услышишь.

Хотя зря я так думал. Дротик, пролетевший совсем рядом с ухом, заставил меня споткнуться и кубарем покатиться по невысокой, но сочной кладбищенской травке. Если бы не дорожный плащ, испоганил бы свой парадный мундир к чёртовой матери. Эти дурацкие зелёные пятна растительного сока, судя по моему житейскому опыту, отстирать практически невозможно.

Раз начали по мне стрелять, значит всё же засекли. Хреновый из меня ниндзя. Но я и не рассчитывал, что смогу незамеченным подобраться прямо вплотную к врагу. Мне хотя бы ещё метров на двадцать вперёд продвинуться, а там уже посмотрим, чья возьмёт.

Где ползком, где рывком, где вихляя пьяным зайцем из стороны в сторону, чтобы не дать противнику угадать, куда и когда кинусь в следующий раз, я преодолел намеченное расстояние. И оказался практически сбоку от позиции напавших на нас «землекопов». Теперь, даже если просто побегу вперёд, буду уверен, что не попаду под дружественный огонь от Тимона.

Ещё бы только смелость в себе найти, чтобы кинуться-то. Что-то зависил я, похоже, самооценку, предполагая, что смогу выполнить свой же собственный план. Почему-то именно теперь подниматься и переть на врага было страшно. Словно запал у меня вдруг закончился. Да и устал я уже ку-

вырваться. Отдышаться бы не мешало да с силами собраться.

Проверил пистолет. Вытащил и зажал в левом кулаке сменный магазин, чтоб потом в пылу боя не шарить по карманам. Продышался.

Мозг лихорадочно попытался найти ещё какое-нибудь важное дело, способное отсрочить начало атаки. Не справился, не нашёл повода.

И ведь даже не помолиться – не верующий я, и молитвы ни одной не знаю. Так, пара фраз в голове засела, но вряд ли они способны меня выручить. Сейчас, стоит мне подняться в рост, на меня разом нацелятся все четыре вражеских дрововика. Молись – не молись, кто-нибудь да попадёт. Будь я даже крутым спецназером, у которого всякие маятники с другими хитростями уже на подкорке и срабатывают на уровне рефлексов, шанс словить дротик от одного из четырёх стрелков очень велик.

А тут ещё и Тимон что-то затих, перестал стрелять. Перезаряжался, наверное.

Ну вот и повод для отсрочки.

Только я обрадованно вздохнул, как раздался злобный рык орка. Я даже шею вывернул, приподнявшись, чтобы взглянуть на причину такого его гнева.

Чёрт! Пока я трусливо тянул кота за япки, этот отчаянный обормот решил меня опередить! Сам кинулся в атаку, резво перепрыгивая через могилы, виляя из стороны в сторону и громко вопя. Чингачгук хренов! Отвлекал внимание на себя

и почему-то не стрелял.

Ан нет, вскинул руку с «Громобоем» и пальнул по очумевшим землекопам. Раз, другой.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как тоже вскакивать и мчаться к вражескому окопу, до которого, кстати, и оставалось-то всего метров тридцать.

Да и окопом это назвать язык не поворачивался. Яма совсем неглубокая была. Все четыре стрелка еле-еле умещались в ней, стоя на коленях. Я с первого же выстрела попал в ближайшего бойца. Этот гад как раз выцеливал меня и даже успел нажать на спуск. К счастью, промазал. Но, к несчастью, схлопотав пулю в грудь, повалился на спину, прикрывая своим телом товарищей.

Мой второй выстрел, угодивший в лицо неудачливому стрелку, лишь ускорил его кончину, но никак не повредил остальным бойцам. А потом я и вовсе промазал, бездарно всадив пулю в земляную насыпь рядом с ямой. Всё же недостаточно у меня навыков, чтобы, несясь стремглав по пересечённой местности, выстрел за выстрелом в копейчку укладывать.

К чести троих оставшихся стрелков, те быстро сообразили, что отсидеться в таком плохоньком укрытии им не удастся, и храбро повыскакивали нам навстречу, навскидку пуская дробтики и в меня, и в орка.

Скорее всего, именно я был главной целью нападавших, но прущий напролом и палящий из «Громобоя» клыкастый

великан, похоже, внушал им гораздо больше опасений. Мои выстрелы почти терялись на фоне грохота, создаваемого монструозным пистолетом орка.

Наверное поэтому землекопы практически плюнули на меня, и большая часть выстрелов досталась Тимону. А мне и уворачиваться почти не пришлось. Боец, что всё-таки решил целить в меня, сам был тут же пристрелен. И, мне показалось, прилетело ему сразу от нас двоих. Орк как-то умудрялся ещё выбирать приоритетные цели, в то время, как я, с бешено колотящимся сердцем, просто палил в тех, кто был ко мне ближе всего.

Несколькими выстрелами мы снесли ещё одного стрелка. Последний из фальшивых могильщиков, получив рану и поняв, что остался в гордом одиночестве, благоразумно попробовал свалить. Запетлял между памятниками, отбросив в сторону дрововик.

Я выпустил вдогонку беглецу пару пуль. Промазал. А вот орк нет, вlepил ему, выбив кровавый фонтанчик точно промеж лопаток, не дав далеко уйти. И, пока я приходил в себя, тяжело дыша после стремительного забега и даже не веря, что остался цел-невредим в очередной заварушке, этот обормот отконтролил всех валяющихся на земле бандитов. Я даже слова против вымолвить не успел, а у каждого в башке образовалось по дополнительной, непредусмотренной матушкой природой, дырке.

– Ты это зачем? – возмутился я. – Можно же было допро-

сильно кого-нибудь. Как теперь узнать, кто их послал и зачем?

– Да не с кем тут было беседы разводить, – отмахнулся от меня Тимон, словно я глупость какую сморозил. – Если кто и не помер сразу, так им жизни лишь на пару вдохов и оставалось. Это я уж по привычке подстраховался. А знаешь, ты пообщайся с ними по-своему, как умеешь. Глядишь, и выболтают тебе чего.

– Ты пошутил? Там у нас девушка раненная, да и тебя вон зацепило, – я ткнул пальцем, показывая на кровавые подтёки, украсившие левую слегка продранную штанину орка. – Нужно ехать раны вам обрабатывать, а не рассиживаться тут попусту. Так что давай, пошли отсюда.

Я зло сплюнул себе под ноги и пошагал к могиле инженера. Мне и самому хотелось бы сначала закончить общение с душой Ильина, но обстоятельства требовали заняться более срочными делами.

– Чего это, попусту? – обиженно взъерепенился орк, но покорно затопал следом.

– А того. Я в прошлое заглянуть могу максимум на десяток минут, что оставались до смерти. Так что делай вывод, энтузиаст: вероятность того, что эти придурки перед нападением обсуждали своего начальника или нанимателя крайне мала. Зато не исключено, что поблизости могут находиться другие желающие наделать дыр в наших шкурах. Абсолютно, кстати, уверен, что эти уроды поджидали именно нас.

– Может, просто ограбить хотели. Нас бы караулить, ду-

мается мне, – орк почесал лысину, – кого посерьёзнее отправили бы. А из этих вояки совсем никудышные. Об заклад побьюсь, не профессионалы они. Вон как в кучу собрались и до последнего позиции не меняли.

– Точно, – согласился я, – не профи. Ты видел, как они одеты? Тряпьё какое-то. И рожи у них совершенно бандитские.

Я кинул взгляд на своего клыкастого приятеля, отнюдь не блиставшего утончённой красотой, и покачал головой:

– Хотя, конечно, бандитская рожа не всегда является показателем асоциальности натуры. Но вот, хоть убей, не верится мне, что случайно эти типы нас для нападения выбрали. Я вот тоже зуб даю, что послали их специально помешать нам правду узнать. Агафья Егоровна! – окликнул я вдоу ещё издали. – Можете больше не прятаться! Как вы там?

– Не самым лучшим образом, – чуть помедлив, ответила та, поднимаясь с земли и усаживаясь. Одной рукой Агафья Егоровна прижимала к левому глазу безжалостно скомканный и уже напитавшийся кровью шарф, другую руку протянула мне: – Будьте любезны, помогите мне.

– Конечно-конечно, – поторопился я к ней и подхватил под локоть, помогая подняться. – Держу вас. Стоите? Покажите, что там у вас с лицом?

Утвердившись на ногах, Агафья Егоровна отняла шарф от лица:

– Сильно страшно?

Я, конечно, не ожидал увидеть вытекший глаз, – слишком уж стойко перенесла вдова инженера ранение, – но всё равно, увидев повреждения, выдохнул с облегчением:

– Не волнуйтесь, всего лишь неглубокое рассечение над бровью. Потому и крови много. Ничего опасного, скоро заживёт. Хотя швы, наверное, наложить придётся. И шрам останется.

– Вы хоть узнали, что хотели? – недовольно поморщившись на мои слова о шраме, Агафья Егоровна выжидающе уставилась на меня.

– Я могу достаточно уверенно утверждать, – подняв с земли свою фуражку, я отряхнул её и водрузил на законное место, – что вашему мужу помогли попасть под колёса паровоза. Но виноватого в убийстве, увы, я разглядеть не успел. Помешали эти... Нехорошие люди. Сейчас мы отвезём вас к врачу, произведём все необходимые манипуляции с раной, а после завезём вас домой и вернёмся сюда. Попробую ещё что-нибудь увидеть.

Я повернулся к Тимону:

– У тебя что с ногой? Давай хоть перевяжем, чтоб грязь в рану не попала. И назад, кстати, даже не спорь, машину поведу я.

Никакой больницы, в привычном для меня понимании, в Миассово не оказалось. На весь городок имелся лишь один практикующий частный врач, занимающийся абсолютно всем подряд: от лечения насморка с подагрой до приня-

тия родов и операций по ампутации органов. Водились где-то ещё, как нам поведали, дантист с парочкой ветеринаров. Ну и аптекарь имелся, которого здесь называли рецептарем.

Последний нам вовсе был без надобности – я сам себе рецептарь. Зубной врач с ветеринарами тоже не устраивали. А доктора не оказалось дома. Выполнявшая при нём роль медсестры, а заодно и администратора, пожилая дама совершенно необъятных размеров оглядела нас с огромным недоверием, при том недовольно морщась от въевшегося в нашу одежду запаха гари. И сообщила, что Поликарп Игнатьевич отбыл на вызов, а вернётся ещё не скоро.

Однако рану Агафьи Егоровны эта хмурая с виду женщина, на деле оказавшаяся вполне добродушной и весьма разговорчивой, обработала сама. И даже швы наложила, дав прежде пациентке немного подышать эфиром. А после штопки залепила ранку полоской самого натурального пластыря.

Попользовала медсестра и орка. Этот бугай от наркоза храбро отказался и, словно изображая Рембо, даже не шипел, когда ему промытую рану здоровенной кривой иглой зашивали. Мне показалось, орка куда больше напрягало то, что пришлось перед медичкой со спущенными штанами шастать. По крайней мере смущённая физиономия Тимона во время процедур отливала красным куда сильнее, чем обычно.

В общем, обошлись без доктора и совсем вскоре повезли

Агафью Егоровну домой, где были с энтузиазмом встречены и атакованы мелким ураганом с косичками. Сонюшка, дочка инженера, видать, совсем засиделась под присмотром строгой соседки и теперь просто фонтанировала энергией, окружая нас повышенным вниманием и радостной суетой.

Пришлось терпеть и как-то общаться с крохой, поскольку Агафья Егоровна категорично заявила, что не намерена позволить гостям сбежать прежде, чем она накормит их, в смысле нас, обедом. К счастью для меня, основное внимание мелкая егоза уделяла Тимону. Вертелась вокруг юлой и лазала по нему, как обезьяна по дереву, совершенно не пугаясь огромных габаритов орка и его устрашающе выпирающих из-под губы клыков. А тот особо и не сопротивлялся. И, похоже даже, воспринимал взявшую его в плен девчущку с нежным пиететом.

Я же, пока хозяйка накрывала на стол, заинтересовался висящими на стене семейными фотографиями. Имелись тут и портреты счастливых родителей с дочкой, и более ранние без неё.

Агафья Егоровна была очень фотогенична и выглядела всегда совершенно безукоризненно. Её строгие позы, не лишённые тем не менее грациозного изящества, полные достоинства и явно высокой самооценки, каким-то образом умудрялись ещё выразить и подчеркнуть любовь к стоящему подле мужу.

Однако сам Иван Федотович заинтересовал меня много

больше. Гладко выбритый худощавый господин довольно высокого роста. Супруга ему на фотографиях едва доставала до плеча, а значит, инженер был даже чуточку выше, чем я. Одет, надо сказать, всегда вычурно по-деловому. Длинный форменный чёрный сюртук с блестящими петлицами и стоячим воротником под горло, белая сорочка, галстук, чуть зауженные брюки со стрелками и до блеска начищенные ботинки. В руках или на голове похожая на офицерскую фуражка. Только тоже чёрная и с чёрным же околышем. На носу неизменное пенсне.

– Агафья Егоровна, – окликнул я вдову, как раз со стопкой тарелок в руках проходившую мимо, – скажите, а как ваш муж одевался на работе?

– Да так же и одевался, – кинув быстрый взгляд на фотографии, ответила та. – Ни к чему ему наряды менять, да и не по нраву. Порядок в одежде, как и во всём, любил. И всенепременно соблюдал.

– Тогда, – поразмыслив, высказал я, – скорее всего, на кладбище похоронен не ваш муж.

Если бы Агафья Егоровна не успела уже поставить тарелки на стол, скорее всего, грохнула бы их на пол.

– Отчего вы так решили? – спросила она, торопливо оперевшись на стол одной рукой, а другой зачем-то коснувшись брови, залепленной пластырем.

– Ты уверен? – орк, на огромной раскрытой ладони которого довольная Сонюшка, тихонько что-то напевая, вырисо-

вывала пальчиком непонятные загогулины, тоже одарил меня удивлённым взглядом.

– На девяносто девять процентов, – развёл я руками. – И сейчас поясню, почему.

Глава 5

– Прежде всего, – взялся я излагать свои соображения, будто какой-нибудь киношный Эркюль Пуаро, – стоит рассказать вам, свидетелем чего я стал. Человек, глазами которого я смотрел на события, в компании с ещё одним господином, скажем так, шёл пешком вдоль железнодорожного полотна. Причём, должен заметить, с соблюдением всех норм безопасности.

Чтобы получше сконцентрироваться на мысли, я и сам стал расхаживать по комнате взад-вперёд. Не нервно, как какой-нибудь злой тигр в клетке, а вполне себе размеренно и неспешно.

– Приближение паровоза они видели оба, и падение моего подопечного под поезд, вероятнее всего, было организовано именно его спутником. Разглядеть которого, – я покаянно склонил голову, – мне, увы, не удалось. Просто какой-то мужик в пальто и картузе. Зеркала, чтобы увидеть лицо самого убитого, как вы понимаете, возле путей тоже не имелось. И даже луж не было.

Орк, казалось, слушал меня в пол уха, гораздо больше внимания уделяя скачущей вокруг него Сонюшке. Хотя Тимон наверняка и без того оставался бы совершенно невозмутимым, переваривая полученную информацию. А вот Агафья Егоровна, видимо, не имея сил справиться с волнением,

осторожно присела на краешек стула, но не переставала при этом безотрывно следить за моими перемещениями.

– Однако, – поднял я указательный палец, – как вы, Агафья Егоровна, сказали, на работу ваш супруг одевался в полном соответствии с изображением на этих фотографиях. Что называется, при полном параде и с иголочки. А тот тип, с душой которого я общался, расхаживал по насыпи в обуви, если мягко выражаться, выдавшей виды. И я сомневаюсь, что инженер Ильин ни с того, ни с сего променял свои отличные ботинки на какие-то изношенные сапоги, к тому же ещё и совершенно не знающие чистки.

Вопросительно глянув на хозяйку дома, я дождался её кивка, явно означающего согласие с моей теорией, и продолжил:

– Кроме того, мой подопечный обращался к неизвестному спутнику со словами «ваше благородие». И, как мне показалось, несколько заискивающим тоном. Что несомненно указывает на более высокий чин собеседника, предположительно, офицерский. Хотя неизвестный злоумышленник и носил гражданскую одежду, но выправкой своей сильно походил на моего знакомого ротмистра Пехова, мир его праху. Такой же вояка-строевик до мозга костей. Так вот, такое обращение к тому господину совсем не вяжется с положением самого инженера Ильина. Он ведь, Агафья Егоровна, какой чин имел? Титулярный советник? Во-о-от. А это, насколько мне помнится, соответствует званию капитана. Не думаю,

что в исполнители покушения подался аж целый майор. Тут кого попроще нашли бы. Да и взгляд во время беседы моего подопечного с убийцей, как мне показалось, был направлен немного снизу-вверх. А ваш супруг, сударыня, поправьте меня, если я ошибаюсь, ростом был даже выше меня.

Очередной кивок подтвердил правильность моих предположений.

– Ну и наконец, целью путешествия потенциальной жертвы преступления являлся перевод ручной железнодорожной стрелки, перенаправляющей движение поезда. И я уверен, в обязанности инженера исполнение подобных функций не входило. Было у него, чем заняться, и посерьёзнее. Да и к тому же манера изъясняться у моего подопечного была слишком уж простоватой, не соответствующей хорошо образованному человеку. Вот из всего вышесказанного я и делаю вывод, что под поезд угодил вовсе не господин Ильин. Скорее всего я общался с душой Никодима Поздеева, пропавшего без вести путевого обходчика.

– Ну ты, братец, силён, – одобрительно сморщил физиономию Тимонилино. – Знатно расписал.

– А где же тогда Иван Федотович? – на взволнованном лице Агафьи Егоровны промелькнула тень облегчения. – Неужто жив?

– Не смею утверждать этого с полной уверенностью, – пожал я плечами, – но такая вероятность существует. Скажите, много ли ещё вы знаете инженеров на железной дороге?

– Нет-нет, что вы, – всплеснула руками слегка воспрянувшая духом хозяйка дома. – Таких, как Иван Федотович, раз-два да обчёлся. Его ведь и обучали-то в Европе, потому как у нас такое сильно внове. Его ведь сам граф Миассов рекомендовал тогдашнему главе железнодорожного управления. А прежде, когда вместе с сынком своим Ивана Федотовича железнодорожному делу учиться отправлял, ещё и выделению стипендии от герцогства поспособствовал, как особо подающему надежды будущему специалисту. И потом в получении чина протекцию благоволил составить.

– Ну вот видите. Такими специалистами вряд ли имеет смысл разбрасываться. А что, сын графа тоже на железной дороге служит? Что-то он нам про это ничего не упоминал.

– Потому и не упоминал, что Зигмунд Зигмундович так в заграницах и остался проживать, в дом отцовский лишь изредка навещаясь.

– Хм, понятно. Видимо, не сильно приятная для старика тема. В общем, я так думаю, что захватили Ивана Федотовича в плен, чтобы и дальше использовать его знания.

– Да неужто возможно такое, – недоумённо всплеснула руками Агафья Егоровна, – чтобы подневольно и с кем-то знаниями делиться? Это ведь не камень на каторге рубить.

– Уж поверьте, – вздохнул я, – очень даже возможно. В моём мире имеется достаточно примеров. Во время одной войны целые исследовательские институты состояли из заключённых и ссыльных научных работников. От лаборантов

и до профессоров.

– Так вот откуда у вас способности, – сообразила Агафья Егоровна. – Вы, стало быть, из иномирцев будете.

– Из них, – и не подумал я отрицать данный факт, поскольку скрывать ещё и это мне указаний не давали.

– Вот бы Иван Федотович рад был с вами побеседовать. Наверняка, что-нибудь интересное вызнал бы. Уж больно охоч он до новшеств разных, особенно тех, что к делу возможно приспособить.

– Надеюсь очень, хозяйюшка, – Тимон, аккуратно спустил на пол сидевшую у него на коленях Сонюшку и поднялся со своего места, – что таковому суждено ещё будет случиться. Уж братец мой расстарается, будьте уверены. Надобно только на погост нам вернуться да дело продолжить.

– Погодите, господа, – резво вскочила и хозяйка дома, – а как же обед? Уже и готово всё. Извольте к столу, я сейчас подам.

Она умчалась на кухню и через минуту вернулась с огромной, литров на пять, керамической супницей в руках:

– Вот, прошу вас, господа, вчерашние щи. Не откажите в любезности, откушайте с нами.

Отказать ей было невозможно. Тем более, запах горячего варева пробудил во мне такой зверский аппетит, что я и сам никуда не ушёл бы, предварительно не поев как следует. Так что на кладбище нам удалось вернуться лишь спустя, наверное, ещё с полчаса.

И вот тут я вынужден был признать, что зря не послушал орка, когда тот сразу предлагал никуда с кладбища не уезжать. Может, и грозила нам тут какая опасность, но поди уж отбились бы. Зато не остались бы у разбитого корыта, как теперь. Мало того, что пропали тела всех перебитых нами землекопов, так ещё ведь кто-то напрочь раскурочил фальшивую могилу инженера Ильина. Свежий земляной раскоп зиял пустотой, столбик с табличкой валялся поблизости, а чуть поодаль Тимон углядел и разбитую погребальную урну.

Прах Никодима Поздеева, если это действительно был он, злоумышленники старательно развеяли по ветру, явно пытаюсь окончательно лишить меня шансов ещё раз пообщаться с душой покойного. Словно знали, паразиты, что первая моя попытка оказалась не очень успешной.

Всё, чего я достиг, так это узнал, что похоронен тут однозначно был не Ильин. И что убийство совершил офицер, почему-то облачённый в гражданское. Но это, как говорится, не точно. Можно предположить, что в деле замешана какая-нибудь контрразведка или подобная ей организация. Но тогда Ашинский наверняка был бы в курсе, а он об этом ни ухом, ни рылом.

Или же он прикидывался? Сознательно юлил перед лордом куратором, типа я не я и хата не моя, а на самом же деле вполне себе представлял, что здесь происходит. Или всё-таки какие-то военные замутили нечто за спиной своего нового правителя?

Оба предположения сильно мне не нравились. Ведь это означало, что верить опять нельзя никому. Кроме, разумеется, орка и Холмова. Хотя это вселяло какую-то надежду. Раньше я и на такое не мог рассчитывать, а ведь ничего, выкрутился.

Что ж, какой-никакой первый шаг мы сделали. Теперь необходимо было встретиться с инспектором и определиться, в каком направлении двигаться дальше.

Кстати, Шарап Володович с утра убежал, не обговорив, где мы с ним потом встретимся. Так что пришлось снова катить к Миассову и ждать Холмова там. Граф же встретил нас по своему обыкновению радушно, накинулся с расспросам и был сильно опечален моей неудачей:

– Весьма прискорбно, господа, что кто-то сумел помешать вам. Однако и то хорошо, что Иван Федотович может живым оказаться.

– Что же вы, – попенял я Зигмунду Поликарповичу, – не сказали мне, что самолично обучением и дальнейшим продвижением Ильина занимались?

Хотел и про блудного сына у графа спросить, но передумал, не желая праздным любопытством ранить старика.

– Так за ради какой надобности мне, голубчик, сие выпячивать? – удивился граф. – Не по годам мне хвастовством-то себя тешить. Да и не было в том заслуги особой. Светлой головой и разумением великим Иван Федотович и без моей помощи обладал. Лучше скажите-доложите, голубчик, что вы

дальше намерены предпринять?

– Ещё не знаю, ваше сиятельство. Думаю с инспектором пока посоветоваться. А может, и вы что подскажете. Например, что это тут у вас за офицер такой может обитать, в гражданской одежде разгуливающий?

– Эк куда вы хватили, голубчик! – дёрнул подбородком граф. – Про то мне и самому интересно знать. Может, из дворян поместных кто, а может, и из заезжих людей господин неведомый. Что ж, дождитесь Шарапа Володовича да присоединяйтесь после к застолью. Нынче к ужину обещалась наведаться с okazji давнишня товарка Елизаветы Тихоновны. Сошлись они как-то на музыкальных курсах, когда вместе в заграничном пансионате обучались, и до сих пор дружбу водят. Однако, зная вашу прыть, Владислав Сергеевич, готов биться об заклад, что знакомство с сей особой равнодушным вас никак не оставит.

Старик не ошибся, вечерняя гостя произвела на меня неизгладимое впечатление.

Как говорится, у каждой девушки должна быть хотя бы одна страшенькая подружка, и, если у вас таковая отсутствует, значит страшенькая подружка – это вы.

Совершенно неожиданно, Елизавета Тихоновна, что казалась мне вполне милой и прелестной барышней, в миг сползла в рейтинге красоты на второе место. И теперь, на фоне своей «давнишней товарки», вынуждена была играть роль той самой страшенькой подружки.

Мелисса Филси была сногшибательна. Едва поправшись мне на глаза, она заставила сильнее колотиться сердце не только от восхищения, но и от смутной тревоги. Ещё бы, убранная назад под шляпку с модной сеточкой пышная тёмная копна выющихся волос открыто демонстрировала вытянутые кверху эльфийские ушки, тут же всколыхнувшие во мне далеко не самые приятные воспоминания.

Что Люсилия, что её брат Клариус со своим приятелем Шварцем – все эти подлецы старательно пытались помножить меня на ноль. А потом ещё выяснилось, что и гранд-лорд меня надул. И теперь, похоже, моё отношение к эльфийской породе до конца дней останется несколько предвзятым. Боюсь, я буду вынужден чувствовать скрытую угрозу даже там, где её в помине не было.

Не знаю, что сумела разглядеть Мелисса в моём взгляде, когда нас познакомили, но она явно осталась довольна произведённым на меня впечатлением. Её тонкие губы чуть растянулись в снисходительной улыбке, а в тёмно-карих глазах мелькнул проблеск самодовольства. Кажется, мои переживания эльфийка приняла за трепетное волнение, вызванное её неотразимой красотой.

Впрочем, против истины не попрёшь, я действительно был восхищён. Не только идеальными чертами лица, но и великолепной стройностью фигуры, удачно подчёркиваемой изящным светлым платьем. Плюс ко всему этому шёл просто зашкаливающий магнетизм, излучаемый девушкой,

словно не я тут был пришлым попаданцем, а она сама только что явилась к нам из другого измерения.

К сожалению, Елизавета Тихоновна тоже заметила мою реакцию на эльфийку. Воспитанница графа, обиженно пыхнув взглядом, сердито поджала губки и весьма холодным тоном пригласила всех проследовать в каминный зал дожидаться ужина.

Там, устроившись в уютном кресле почти у самого огня и заглядевшись на разгулявшееся пламя, я вскоре полностью выпал из старательно поддерживаемой старым графом светской болтовни и погрузился в собственные мысли.

Недавно вернувшийся Холмов тоже ничего важного разузнать не смог. Мы, по сравнению с ним, даже несмотря на мизерность наших успехов, собрали куда больше информации. Инспектор же только подтвердил мои догадки по поводу личности похороненного, сообщив, что путевой обходчик пропал как раз в день гибели инженера. Ну и, естественно, Шарап Володович сильно удивился, что мы с орком успели вляпаться в очередную перестрелку. У него самого всё прошло тихо-мирно. А ещё инспектор похвалил меня за успешное применение аналитического метода, позволившего опровергнуть гибель и захоронение инженера.

Причём похвалил так, будто до этого я прям дурак дураком был. Но я не обиделся. Холмов в деле сыска действительно в сто раз больше меня соображает. Мне у него ещё учиться и учиться, как завещал великий Ленин.

Что ж, будем выяснять, куда и по чьей вине пропал настоящий Ильин. Кроме того, не стоило забывать и о главной цели моего расследования. После сегодняшних событий у меня последние сомнения отпали в том, что обе проблемы связаны между собой. Найдём таинственный бронепоезд с подозрительным вооружением, а там и инженер наверняка сыщется. Вот только где искать эту стреляющую консервную банку на колёсах, я пока что тоже не имел ни малейшего представления. Спросить о бронепоезде у графа я не решался. Единственное, что приходило в голову, так это попробовать найти злополучную стрелку и выяснить, не связано ли как-то место преступления с докладной запиской инженера в наш комитет.

Однако хорошенько пораскинуть мозгами мне не дала Елизавета Тихоновна. Увидев, что я вовсе даже и не смотрю в сторону эльфийки, девица приободрилась, оживилась и постаралась вновь завоевать моё внимание, втянув в общую беседу.

Не сильно-то я этому обрадовался, но из вежливости вынужден был подключиться и участвовать в обсуждении вопросов, которые меня, по большому счёту, совершенно не интересовали. Не знаю, как скоро бы это полностью мне наскучило, но повезло, и нас пригласили к столу.

Правда очень быстро выяснилось, что с везением я погорячился. За столом Елизавета Тихоновна уселась рядом со мной, а её закадыка Мелисса заняла место точнёхонько на-

против, устроив по мне прицельную стрельбу глазками. Чем вновь вынудила воспитанницу графа изрядно понервничать и приложить массу усилий, дабы я уделял внимание только ей одной, а не пялился на коварную эльфийку.

Бедняжка так старалась и так суежилась, что не заметить этого не смог бы, наверное, и слепой. Даже старый граф вскоре стал удивлённо коситься на свою излишне активную воспитанницу. Зато Тимона ситуация откровенно веселила. Хорошо, хватало у этого дуболома ума, чтоб, нагло скалясь, хотя бы прикрывать свою хищную пилораму ладонью.

Мелису разведённая Елизаветой суета, похоже, тоже развлекала. И, как мне показалось, в слегка прищуренном взгляде эльфийки, адресованном подруге, я даже уловил некоторое ехидное злорадство.

И только Холмов оставался совершенно равнодушным к надуманной проблеме неожиданного любовного треугольника. Не думаю, что инспектор не заметил потуги Елизаветы Тихоновны, как и обращённые на меня томные взгляды эльфийки. Скорее, счёл разгоревшиеся страсти пустячными и не заслуживающими внимания.

– Господин барон, а как идёт ваше расследование? – видя, что настойчивость её начинает меня раздражать, Елизавета Тихоновна решила пойти с козырей и подлить в разговор немного лести: – Я слышала, вам нынче выпало сражаться с какими-то разбойниками и вы даже сумели спасти бедную несчастную вдову. Ах, как же это романтично! Вы мой

герой!

– Вы преувеличиваете, сударыня, – вздохнул я и попытался перевести стрелки на орка: – Вынужден признаться, гораздо больше героизма проявил мой друг Тимонилино. И вдову, кстати, тоже прикрывал собой именно он.

– Какой же вы скромник! – слегка переигрывая, вылила на меня очередную порцию восхищения девица. – И даже не отговаривайте, вам всё равно не заставить меня усомниться в ваших заслугах.

– А что вы расследуете? – перебивая Елизавету, решила вдруг, поинтересоваться Мелисса. – Признаться, страсть как люблю читать литературные романы про хитрые преступления и умения сыскных мастеров распутывать их.

На ходу придумала? Вряд ли расследование действительно столь её интересовало. Скорее всего, эта заноза сказала так из вредности, желая лишний раз позлить подругу. Никогда я не смогу понять этих странных взаимоотношений, именуемых женской дружбой. То они не разлей вода, то готовы друг другу глаза повыцарапывать.

Было бы ещё из-за чего. Мне вот эта Мелисса вообще никаким боком не упёрлась, но не отвечать ей значило бы проявить невежливость.

– Гибель инженера Ильина, сударыня.

– Даже не слышала о таком господине, – пожала плечами эльфийка.

– Ну как же, голубушка, – возмутился граф. – Помнится,

вы как-то даже были мной представлены друг другу. Да и событие столь неординарное, что не могло оно вашего внимания не коснуться. Неужто не помните о роковом случае на стрелке железнодорожной? Даже газета местная о том писала.

– Что-то такое припоминаю, – задумчиво поморщила красивый носик Мелисса. И, совсем не обращая внимания на подругу, сверкающую гневным взором, спросила у меня: – «Смерть у Чебары», так ведь кажется? И что же необычного в том случае, что расследовать его прислали аж троих сыскных из столицы?

– У Чебары? Хм. Что ж, изначально, – взялся я пояснять, радуясь, что появилась более конкретная привязка к местности, – это дело было подано так, будто инженер пал жертвой несчастного случая. Но, как мы выяснили, такая трактовка происшествия не соответствует истине. Произошло убийство.

– Вы уже нашли убийцу? – подняла брови Мелисса. – Я потрясена!

– Увы, сударыня, нет. Мы не на столько продвинулись в раскрытии преступления.

– О, я уверена, мой герой, – вмешалась в разговор Елизавета Тихоновна, в который раз зло зыряка на товарку и заодно нежно накрывая ладонью мою руку, – вы обязательно справитесь.

– Очень на это надеюсь, – кивнул я ей и, в надежде отде-

латься от обеих барышень, обратился к графу: – Кстати, Зигмунд Поликарпович, вы ведь наверняка знаете, где находится та злополучная стрелка «у Чебары»? Мне очень хотелось бы побывать в том месте.

– Да-да, – поддержал меня Холмов, – я тоже имел намерение прояснить сей вопрос, но не посчитал уместным говорить о том за ужином.

Похоже, это был камень в мой огород – инспектор посчитал, что зря я распространяюсь о деле в присутствии посторонних. Но я вроде не сильно углублялся в детали и не раскрывал подробностей. Зато вот место преступления выяснил.

– Я могу сопроводить вас до этого места, господа, – проявила чудеса энтузиазма эльфийка, одаривая меня взором, полным азарта. – Это ведь ваш красавец пароход стоит у ворот усадьбы? Предлагаю вам сделку. Вы прокатите меня на этой чудо-машине, а я укажу вам ваше место преступления.

– А вы, голубушка, – удивлённо выставился на Мелиссу граф, – имеете представление, где оно?

– Вы же знаете, дорогой граф, как я обожаю кататься верхом на моей гнедой Фрее. Вы ведь и сами не раз меня сопровождали. Бывала я и у той дороги железной. Этих стрелок на ней всего-то ничего, а под Чебарой и вовсе одна единственная. И добраться до неё на пароходе барона не составит ни малейшего труда.

Глава 6

– Составить компанию господину барону могу и я, – уступить подруге без боя Елизавета Тихоновна не пожелала. – Я тоже много где бывала и тоже знаю нужное место. Посему, если имеется таковая надобность, могу хоть сейчас переодеться и отправиться в путь. А у тебя, дорогая Мелисса, наряд вовсе и не годится для езды на пароходе.

– Ах, милая Лизонька, – театрально всплеснула руками эльфийка, – твоя правда. Но ты ведь не бросишь свою любимую подругу в беде и не откажешь ей в удовольствии прокатиться вместе со всеми на пароходе? Уверена, в твоём богатом гардеробе сыщется что-нибудь и на меня, такое, чтоб подходило для случая.

– Милые дамы, – вмешался я в эту словесную баталию, – оставьте ненужные споры. Сейчас, в ночь, мы всяко никуда не поедем. Но и даже отправившись поутру, можем не избежать нового нападения. А подвергать опасности жизни таких очаровательных спутниц я себе позволить не могу. Да и выехать нам, думаю, пораньше придётся, чтобы времени хватило на месте осмотреться. Вам, – я посмотрел на Мелиссу, – к нашему отъезду никак не поспеть.

Елизавета Тихоновна тоже повернулась к эльфийке и вроде как расстроено развела руками. Однако гримаску при этом скорчила довольно ехидную. Разве что язык подруге не

показала. Вот только рано обрадовалась.

– А я с позволения Зигмунда Поликарпыча, – хитро сощурившись, Мелисса нанесла ответный удар, – у вас на ночь останусь. Ранним подъёмом меня нисколько не напугать, я привычная. Вы ведь, дорогой граф, – мило улыбнулась она Миассову, – не станете противиться?

– Ни в коем разе, – замотал головой тот. – Почту за честь с превеликим удовольствием.

– Однако, – скривился я, вовсе не окрылённый подобной перспективой, – вопрос вашей безопасности всё равно остаётся в силе. Мы сегодня уже попали в перестрелку. Не исключено, что подобное может и завтра повториться. Давайте-ка, я вас как-нибудь в другой раз покатаю.

– Вы, барон, видимо, считаете меня кисейной барышней, способной лишь быть обузой в иных обстоятельствах. – Мелисса и не подумала отступить. – Но я достаточно умело управляюсь с оружием, и Зигмунд Поликарпыч может вас в том заверить.

– Ни дать, ни взять, – с убеждением кивнул старик, – валькирия. И наездница лихая, и стреляет отменно. На охоте даже и не счесть, сколько раз партию нам составляла.

– Так не на охоту едем-то, – пришёл мне на помощь Холмов, тоже явно не желавший превращать поездку в увеселительную прогулку с барышнями. – Дичь, она ведь в ответ не стреляет.

– А я, бывало, – гордо задрала подбородок эльфийка, – и

от лиходеев отстреливалась. У нас тоже не всегда тишь да гладь в округе. Иной раз и пошаливают где на дорогах.

– А я тоже стрелять обучена, – не удержалась и похвасталась Елизавета Тихоновна. – Если выпадет, вовсе не оплошаю. Да и в вас, барон я полностью уверена. Вы нас всевременно от любой напасти убережёте.

Ну вот и как им вталдычить, что я как раз и не хочу их убеждать? Вот надо мне, вместо того чтобы делами заниматься, этих упрямых клуш охранять? Чего им дома-то не сидится?

– Да вы уж, голубчик, не упрямитесь, соглашайтесь, – Миассов заговорщицки подмигнул мне. – Хотят, и пусть их. Я вам ещё пару верховых для охраны дам. Соблюдут вас в целости и сохранности.

А после, когда пришло время расходиться, подозвал меня к себе и шепнул на ухо:

– Вы, голубчик, по утру-то не мешкайте да езжайте прямо с рассветом, пока барышни наши ещё не проснутся. А я накажу их не будить, да сам потом и объясню, что срочная надобность возникла. Вот вы и убыли с сотоварищами.

Хорошая идея. Ещё бы как-то выспаться. Ранние отбои и подъёмы – не мой конёк. Не жаворонок я ни разу. Скорее, сова. Правда, после вчерашних ночных походов глаза под вечер сами собой уже закрывались. Плюс, немало тому способствовало неплохое вино, выпитое за ужином немало. В общем, проблем со скорым отходом ко сну не предвиделось. Но, увы, не повезло.

Едва угнездилился в постели, в дверь тихонько поскреблись. Гадать, кто бы это мог быть, особо не приходилось. Бдительный орк вряд ли допустил бы ко мне кого-нибудь, кроме Елизаветы Тихоновны. Всё-таки она, в отличие от своей подружки, уже проверенный вариант. А что там в голове у ушастой красотишки делается, одному эльфийскому богу известно.

Впрочем, чего греха таить, где-то в глубине души всё же теплилась надежда, что это Мелисса пришла – ну какой нормальный мужик не захочет замутить с эльфийкой, да ещё и с такой красивой? Даже угроза получить от неё нож в спину не в состоянии была перебить желания. Да и кто бы мне помешал тщательно обыскать прелестницу на предмет скрытого ношения оружия?

Однако мечты так и остались мечтами. Явилась конечно же воспитанница графа, возжелавшая закрепить успех прошлой ночи теперь уже непосредственно в моей постели.

Отфутболить её сразу у меня не хватило совести. Хотя конечно стоило бы. Ещё решит, что я теперь весь с потрохами ей принадлежу. А мне это надо? С другой стороны, неплохо было бы, умотав её, обеспечить настырной девице последующий крепкий сон. Может и вправду, проспип поутру наш отъезд.

Собрал волю в кулак и постарался, как мог, чтобы через часик выпроводить довольную барышню восвояси. Бухнулся обессиленным на кровать и спустя какое-то время, уже практически сквозь сон, услышал стук в дверь.

– Идите к чёрту, – буркнул я, пряча голову под подушку. – Я сплю.

Стук повторился, но я наглым образом его проигнорировал. Было бы что-то срочное, в дверь колотились бы куда настойчивее.

Возможно, это надумала заглянуть ко мне Мелисса, но теперь мне было совсем не до неё. К тому же я подумал, что вдруг вернётся Елизавета и застукает нас. Ещё скандала мне на всю ночь не хватало. Тогда точно уже не выспаться. Выпадет более подходящий случай, доберусь и до эльфийки. А пока нефиг-нефиг, недосуг.

Уж не знаю, кто там приходил ночью, но поутру меня ждало огромное разочарование из-за несбывшихся надежд. Обоих барышень я застал внизу за ранним завтраком. И Елизавета, и Мелисса, как ни в чём не бывало, мило беседовали друг с дружкой, попивая чаёк-кофеёк. А рядом с ними восседали с кислыми рожамии мои, как сказал граф, «сотоварищи».

Сам Миассов тоже присутствовал. Встретил меня, виновато разведя руками. Мол, ничего не поделаешь, план не удался. Я ответил ему глубоким вздохом и кривой печальной ухмылкой. Еле запихал в себя завтрак и дал отмашку к выезду. Чего время зря тянуть? Раньше сядем, как говориться, раньше выйдем.

Загрузились в авто. Холмов, зачем-то одолживший у графа обычный дрововик в дополнение к своим укоротам, усел-

ся впереди, рядом с Тимоном. Мне же ожидаемо пришлось расположиться на заднем диванчике по центру. Ну а барышни устроились рядом со мной, взяв меня с обеих сторон в тиски, впрочем, не так чтобы и вовсе уж неприятные.

Ради истины, стоило всё же отметить, что, нарядившись к выезду, обе вредины выглядели очень даже аппетитно. Подобным образом была одета Карабашская, когда я её впервые увидел. Костюмы, словно для верховой езды: шляпки с гоглами на тулье, узкие приталенные жакеты и светлые лосины, заправленные в высокие сапоги. Просто загляденье. И главное, если издалека посмотреть, можно было вовсе и не различить барышень – так они оказались схожи стройными фигурками.

Вот только спрашивается, почему нельзя было в обычной одежде поехать? Машина ведь не лошадь. Да и вообще, очень странный наряд для мира, в котором эпохой эмансипации даже и не пахло ещё. Я пока что лишь только от Реджины и слышал упрёки в плане неравноправия полов. А так тут всё всех устраивает, никто на чужую территорию не посягает. Мужики в мужском ходят, женщины в женском. И вот только для катания на пароходе барышням вдруг приспичило натянуть обтягивающие лосины, больше подходящие современным наездницам моего мира.

Просто у нас во времена паровых технологий, где-то в конце позапрошлого века, вроде как непристойно было женщинам стройность ног демонстрировать, да и нестройность

тоже. А для верховой езды использовались специальные дамские сёдла. Потому барышни так и рассекали на лошадях в обычных длинных платьях. Хотя, чёрт его знает, стоит ли вообще за уши притягивать местные реалии к какой-либо эпохе моего мира? Всё-таки здесь вам не там – совсем другой путь развития. У нас вот ни о каких пружинно-заводных авто и слыхом не слыхивали. Так что взбрыки и выверты моды тоже могут по-своему скакать. Наверное.

Возможно, тут только для простолюдинок мужской наряд под запретом, а знатные барышни вполне могут позволить себе некоторые вольности в нарядах. В любом случае, обе мои спутницы выглядели сногшибательно. Прямо хоть и не прячь совсем их стройные изящные фигурки под бесформенные защитные плащи. Но, увы, без этого красивые наряды девушек очень скоро превратились бы непонятно во что, покрывшись слоем пыли и саж.

– Может быть, поедем уже? – похлопал я сидящего за рулём орка ладонью по спине. – Ты там не заснул ли, братец?

Но вместо Тимонилино ко мне обернулся инспектор, умудрившийся засунуть графский дрововик куда-то под сидение. Даже не знал, что там столько места есть.

– Не торопитесь, Владислав Сергеевич, – улыбнулся мне Холмов. – Сейчас дождёмся охрану и тронемся.

– Так вот же они, – указал я на уже прибывшую, совершенно бандитского вида, парочку верховых, что любезно представил нам в сопровождение Миассов.

Если б вздумалось кому снимать кинокартину про какого-нибудь батьку Махно, эти типчики отлично бы вписались в кадр. Сочные экземплярчики.

Один, тот что постарше, в блестящих штиблетах, чёрном суконном пальто с длинными полами, свисающими по бокам, и в солидном цилиндре на голове. Длинноватый нос и пышные бакенбарды и вовсе придавали этому господину некоторое сходство с незабвенным Александром Сергеевичем, который «наше все».

Другой всадник, совсем молодой, выглядел наоборот натуральной деревенщиной. В красных шароварах и в меховой безрукавке поверх белой вышиванки. На ногах какие-то смешные калоши с онучами. На кучерявой голове высокий картуз, лихо сдвинутый на самый затылок. Курносый нос и куча веснушек на круглом румянном лице.

У обоих за спиной дрововики, а на боку кавалеристские шашки. Ну вылитые махновцы. Для полноты картины нам на машине не хватало пулемёта «Максим», чтоб на тачанку похоже было.

– Мне вчера, – мотнул головой Холмов, – начальник городской жандармерии обещался ещё людей выделить.

– Надо же, – удивился я. – А мне казалось, тут сам граф всем заправлять должен.

– Скажете тоже, – сдвинув скептически брови, махнул рукой инспектор. – Зигмунд Поликарпович теперь лицо частное. В его ведении лишь хозяйственные вопросы. А за поряд-

ком ту следит наместная жандармерия с участковым приставом во главе, а тот лишь коронному управлению и подчиняется. Потому я вчера вечером, о злоключениях ваших узнав, с начальства здешнего конный наряд и требовал депешей. Лишним не будет. Обещались прислать к назначенному часу. Я вас давеча хотел упредить, да вы дверь не отворили. Видать, уснули уже.

– Видать, да, – кивнул я.

Теперь понятно, кто ко мне ночью стучался. Жалко, не открыл я инспектору и от помощи жандармов не отказался. А то, согласно подозрениям кера Сотекса, эти служаки могут оборотнями в погонах оказаться. И какой смысл тогда в процесс расследования их втягивать? Но теперь уже поздно на попятную идти. Придётся как-то работать под жандармским надзором, с оглядкой и не выставляя на обозрение ничего лишнего.

Долго ждать обещанный конный наряд не пришлось. Уже минут через десять появилась близь ворот усадьбы троица конных жандармов. Белые фуражки и кителя, синие галифе. Вид у всех бравый и немножко придурковатый, как того и требует негласное правило записных служаков. Всем своим видом служилые показывали, что им до лампочки, чем тут занимаются приезжие хлыщи. Направили в сопровождение, значит будут сопровождать без лишних вопросов.

Графские бодигарды – и молодой, и что постарше – оба при виде жандармов скривили рожи, словно их лимон грызть

заставили. Не сильно-то их обрадовали такие попутчики. И это при том, что сами-то они служили у Миассова, который раньше сыскарями командовал и по сути сам легавым был.

Едва старший из беломундирников, пожилой усач с нашивками урядника, доложил о прибытии, Тимон дал гудок, стравив в небо излишек пара из двигателя, и мы двинулись. Не очень быстро, чтоб конники, пойдя рысью, уверенно за нами поспевали. Однако барышни радостно загомонили и вцепились в меня крепко-накрепко, тесно прижавшись с обеих сторон. Словно мы не поползли еле-еле по укатанной грунтовке, а на гоночном болиде рванули по скоростному шоссе.

Лучше бы рванули. А то ветер нынче опять каверзно дул нам в спину, а низкая скорость парохода не позволяла ему вырваться из создаваемого самим же собой дымного облака. Почти сразу пришлось нацепить очки-гоглы и укутать лица шарфами. С другой стороны, в этом даже имелся некоторый плюс: затруднённое дыхание и шумное пыхтение паровозного двигателя за спиной не позволяли моим спутницам надоедливо трещать мне постоянно в уши.

Впрочем, иногда у девушек всё же возникало желание поделиться со мной чем-то особо, по их мнению, важным. В таких случаях они вынуждены были тянуться губами к самому моему уху и наваливаться на меня грудью. Что было бы весьма приятно, не будь так сильно жарко из-за защитных плащей.

Ну а как выехали за город, одной из барышень и вовсе пришлось поменяться местами с инспектором – так некстати вызвавшаяся вчера в проводницы Мелиса пересела вперёд к Тимону. Не с заднего же ей дивана было подсказывать, когда и куда нужно поворачивать.

Даже сквозь закопчённые банки очков я заметил, как радостно сверкнули глаза Елизаветы Тихоновны, когда её мнимая соперница, вынужденно оторвавшись от моей руки, покинула наш диванчик.

Не скажу, чтоб добрались мы до места очень быстро. Пришлось поколесить по полям и лесам, прежде чем наша процессия выбралась к непривычно узким железнодорожным путям. Похожая узкоколейка у меня дома использовалась в парке отдыха на детской дороге. Небольшой составчик возил желающих вдоль речки, а дети типа служили на поезде кондукторами. Хотя может быть, порулить составом им тоже иногда давали.

Здесьняя дорога тоже отдавала какой-то игрушечной несерьёзностью. В своём призрачном видении, общаясь с душой Никодима Поздеева, я этой особенности не заметил, а вот теперь обратил вдруг внимание. Впрочем, рельсы были самыми взаправдашними и тянулись из ниоткуда в никуда.

Ещё несколько минут тряски по ямам да ухабам вдоль железнодорожной насыпи, и мы добрались до нужной стрелки. Охрана наша чуть разъехалась по сторонам, включив режим бдительности, а я, в сопровождении обеих дам и орка с ин-

спектором отправился разглядывать место недавнего происшествия.

Забрались по шуршащему гравию наверх, осмотрели саму стрелку, прошлись немного в обе стороны по путям, внимательно их осматривая. Побродили, спустившись с насыпи, по территории вокруг. Ничего, стоящего внимания. Даже следов крови уже не осталось. Ни на рельсах со шпалами, ни на гравии рядом. Смыло дождями, не иначе.

М-да, ни каких-либо посторонних предметов, ни отпечатков ног. Вообще никаких следов, способных помочь расследованию. С чего я решил, что поездка сюда что-то нам даст?

Солнце поднялось уже достаточно высоко и припекало во всю дурь. Девушки, скинув плащи и сняв шарфы с очками, щеголяли теперь во всей красе и отвлекали моё внимание своими стройными ножками. Ну да, будь на них длинные платья, нацепляли бы сейчас на подола репъёв или других каких колючек, от которых потом чёрта с два очистишься. А так и погулять по высокой траве можно, и глаз мне порадовать, поднимая настроение.

Щебет спящих в вышине птиц тоже настраивал на благодушный и беспечный лад. Можно было подумать, что мы не по делам сюда явились, а приехали компанией на пикник. Ещё бы не резкий запах пропитки, коей обработаны были шпалы, да не пятеро конных охранников, топтавшихся поблизости, вокруг царила бы полная благодать.

– Не знаете, куда ведёт этот путь? – инспектор, вдоволь

нашаставшись по траве возле насыпи и распугав всех местных бабочек с кузнечиками, указал Мелиссе на уходящее в сторону от основного пути ответвление железной дороги.

– Не могу сказать точно, – пожала плечиками та. – Мы с Фреей как-то отправились туда, но наткнулись дальше на колючий забор. А там, где в него эта дорога упирается, ворота с охранниками. Они и прогнали нас подобру-поздорову.

– А охранники, – поинтересовался орк, – что из себя представляли?

– Что вы имеете в виду? – не поняла эльфийка.

– Военные, гражданские или, может, жандармы? А то и вовсе из наших кто, из газагов? – покорно уточнил Тимон. Ну да, согласно легенде, он ведь мой кровный брат – газаг.

– Да я их и не разглядывала, – удивлённо чуть развела руками девушка. – Но, кажется, какая-то форма на них была.

– Но не такая, как на этих? – орк указал Мелиссе на сопровождавших нас жандармов.

– Нет, – качнула головой та. – Эти вон какие нарядные. А у тех цвета мундиров совсем вялые были. Такие тусклые и невзрачные, словно запылённые.

– Скорее всего военные, – пожал я плечами. – Хотя могут быть варианты. А далеко тот забор с воротами? Может, прокатимся до них?

– Для этого, – скривился орк, – нужно через насыпь перебираться. А пароходу такое не по зубам. Разве что у охраны нашей коней позаимствовать, да верхом туда. Вот только

вряд ли они на то согласные будут.

– Там, немного дальше, – вмешалась Елизавета Тихоновна, надменно, словно на глупую незнайку, глянув на Мелиссу, – есть будка смотрителя и переезд через насыпь.

Девушка указала в ту сторону, откуда, помнится, двигался злополучный поезд и откуда пришёл Никодим со своим убийцей.

– Тогда поедem туда, – обрадовался я. – И будку осмотрим, и через рельсы переберёмся. Эй, служивые, снимаемся и дальше двигаемся!

Ну вот, а я то всё думал, откуда сюда Никодим припёрся. Стрелка-то на эдаком отшибе находится, замучаешься до неё шагать. А тут неподалёку, оказывается, будка имеется.

Имелась. Когда мы добрались до нужного места, к огорчению своему обнаружили, что от небольшого домика, дававшего приют путевому обходчику и одновременно, видимо, смотрителю переезда, остались одни лишь сильно обугленные развалины.

Возле этих руин копошились, разбирая завал из обгоревших деревяшек, несколько гоблинов в грубых рабочих спецовках.

Какая жалость, я надеялся хоть здесь что-нибудь обнаружить. И, возможно, обнаружил бы, не удумай кто-то замести после себя следы. В случайный пожар мне почему-то не верилось.

– Скажи, любезный, – Холмов выбрался из авто и подошёл

к одному из гоблинов, ковырявшихся среди головёшек, – давно ль пожар случился?

– А тебе, мил человек, какое до того дело? – уже основательно вымазавшийся в саже ушастый коротышка выпрямился, отрываясь от работы.

– По служебной надобности интересуюсь.

Гоблин как-то совсем неуважительно глянул на нашу компанию и на вооружённых всадников, что слегка разъехавшись в стороны, окружили место пожара.

– По служебной надобности сам знать должён, – выдал он сквозь зубы и пренебрежительно сплюнул инспектору под ноги.

– Ладно, – не обижаясь на грубость, Шарап Володович пошарил по своим карманам и кинул гоблину несколько выуженных оттуда монет, – а так скажешь?

– Кажись, – наглец ловко подхватил рукой прямо в воздухе всю мелочь, – вчерась поутру горело.

– Никого из погиблых на пожарище не нашли?

– Не, – отмахнулся гоблин, – никому не понесчастлилось. Пусто в доме было. Одежда только кое-какая сгорела, да папка с бумагами, что на столе была. Только, вон, уголок случайно и уцелел.

Подойдя к беседующим, я глянул на место, куда указал работяга. Рядом с основательно покорёженным медным чайником, закопчённым стеклянным стаканом и парой сапог, основательно скукоженных от жара, на траве валялись ещё

скромные остатки деловой папки с какими-то документами. Действительно, лишь уголок сохранился, да и тот весь обуглился. Поди теперь разбери, что это за бумаги были.

– Да, – вздохнул я, – ценными такие находки не назовёшь.

– А ты дай золотой, – вытянул ко мне руку гоблин, – я тебе чего поценнее покажу.

Я глянул на Холмова. Тот пожал плечами, типа сами решайте.

Ну не жмотиться же. Вытащил из-за пазухи несколько бумажных ассигнаций, примерно соответствующих названной цене, протянул ушлому вымогателю:

– Держи, показывай.

– Вот, недалече в траве нашёл. Совсем цельная вещь, – гоблин вытащил из кармана робы нечто, завёрнутое в грязную тряпицу, – и ценная.

– Вот это удружил, – охнул я, развернув кусок ткани.

В руках у меня оказалось нечто действительно ценное – совершенно целое пенсне. Точно такое же, какое я видел на фото у инженера Ильина.

Глава 7

– Действительно, дорогая вещица, – выглянула из-за моего плеча незаметно подошедшая Мелисса. – наших эльфийских мастеров работа. Обратите внимание на тонкую оправу. Очень редкий металл, гибкий и чрезвычайно прочный. Такую оправу почти невозможно повредить. Да и линзы небьющиеся.

– Ну да, не дешёвка какая-нибудь китайская, – покрутил я в руках пенсне. – А семья инженера не так чтобы сильно богато и живёт. Хотя, если зрение у него не ахти, а на работе без очков не обойтись, то можно и разориться на подобный девайс. Вещь-то статусная, а инженер любит выглядеть презентабельно.

– Считаете, – Шарап Володович протянул ко мне руку, и я передал ему пенсне, – это принадлежало Ильину?

– До сей поры, – пожал я задумчиво плечами, – мне такие двойные окуляры больше и не попадались на глаза. Я даже в дворянском собрании одни лишь монокли встречал. А тут точная копия того, что я на фотографии у Ильина видел. Вряд ли в такой глубинке кто-то ещё пенсне носит.

– Допустим, – кивнул Холмов. – Но что это даёт? Мы можем сделать вывод, что инженер посещал домик обходчика и только. Ибо не стоит исключать вероятность того, что он случайно обронил или просто позабыл это самое пенсне. А по-

сколькx господин инженер мог сразу и не обнаружить утрату, нельзя однозначно утверждать, что потеря этого важного приспособления непосредственно связана с исчезновением самого Ильина.

– Не скажите, не скажите, – не согласился я с инспектором. – Взгляните на линзы. Видите, они не выпуклые, а наоборот вогнутые? У моего отца такие же очки, он без них и шагу шагнуть не может, только на ночь снимает. Это ведь при дальнoзоркости очки только для чтения надевают, а ходить прекрасно и без них хоть весь день могут. У Ильина же другая проблема – близорукость и, судя по кривизне линз, неслабая. Он без своих окуляров, как без рук. Так что не заметить потерю пенсне инженер точно не мог.

– Убедили, звучит довольно логично, – инспектор сделал вид, что хлопает в ладоши. – Вы делаете несомненные успехи в навыке ведения расследований. Всегда верил, что из вас выйдет прекрасный сыскарь.

– Ах, дорогой Влад, – подскочила Елизавета Тихоновна, – вы такой умный и такой наблюдательный! Ни на секунду не сомневаюсь, что вы обязательно раскроете это дело!

Она хотела ухватить меня под локоток, но я вовремя отстранился, сделав вид, будто заметил в обгорелых развалинах нечто значимое:

– Простите, сударыня, но мне нужно ещё немного осмотреться. А вам не советую особо ко мне приближаться, поскольку здесь можно сильно испачкаться, а то и пораниться

вдруг. Вон видите, гвозди то там, то сям торчат.

Елизавета поджала обиженно губки, но за мной на пепелище не сунулась.

Что же здесь всё-таки произошло? Думается, инженера схватили и похитили именно отсюда, а обходчик Никодим стал тому свидетелем. За что и поплатился.

Только почему его не убрали сразу же прямо здесь? Могли бы пристукнуть, а потом спалить в избушке. Хотя, наверное, труп мог обгореть несильно и его опознали бы. А так зашвырнули бедолагу под поезд, его и превратило в фарш. Городовым, что потом на место аварии прибыли, сказали, что погиб инженер Ильин, служивые и поверили. Им, видать, по барабану, кого хоронить. А Агафью Егоровну на опознание никто и не звал, потому как она могла бы понять, что это останки не её мужа. Кремировали Никодима быстренько да закопали, даже не думая, что из столицы на расследование вроде как пустякового несчастного случая могут прислать коронного дознатчика.

А вот взяли и прислали. Потому что успел инженер в комитет стукануть раньше, чем ему рот заткнули. Ильина же запрятали скорее всего в той запретке, куда ответвление железной дороги ведёт. И не удивлюсь, если действительно к делу какому приставили.

– А скажи мне, голубчик, – окликнул я гоблина, не очень то и спешившего вернуться к своей работе, – ты случаем не в курсе, по этой дороге через переезд нельзя ли до запретной

зоны добраться?

– Феофаном меня кличут, – поморщился зеленомордый.

Не по нраву ему пришлось моё обращение.

– Хорошо, Феофан. Так можно или нельзя?

– Вы про тот предел, что забором колючим огорожен? От чего ж нельзя? Можно, если на развилке левее взять. Да только вас туда всё равно не пустят. Больно строгая там охрана. Там и нас путейных не всех пускают.

– А ты там не бывал?

Гоблин в ответ лишь кинул на меня косой взгляд исподлобья.

– Не переживай, заплачу, – похлопал я себя по карману.

– Сам в пределе не бывал, – оживился Феофан. – Но племяшу моему Небене доводилось там работать. Только ему о том говорить никому не велено.

И многозначительно кивнул в сторону одного из сопровождавших нашу компанию всадников.

Я подошёл поближе к гоблину и склонился, нависнув над ним. Шепнул на ухо:

– Но ведь твой племяш не откажется заработать пару золотых?

– Три, – так же шёпотом мгновенно ответил наглец. – И один мне, за то, что вместе вас свести возьмусь.

– Ну хорошо, – не стал я спорить. Сумма, конечно, немалая, но информация сейчас куда важнее. – Мы живём у графа Миассова. Пусть твой племяш вечером меня там оты-

щёт. Там же и деньги получит, если всё, что знает, расскажет. И твою награду заодно тебе передаст.

– Э, нет, – заартачился вдруг Феофан. – Мне моё вперёд, а к графу Небеня не пойдёт. Нам к графу никак нельзя. Ты, господин хороший, сам по вечеру в корчму приходи, что в нашей слободке имеется. «Шалый пёс» называется. Там с Небеней и потолкуете.

– В корчму приду, – в этом я проблем не видел. – А вот долю твою я всё же через племянника тебе передам, если он явится в этот твой «Шалый пёс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.